

В ТЕНИ ХРУСТАЛЬНОГО ТРОНА

18+

Семён Майский

В тени хрустального трона

<https://litres.ru/74678328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они должны были стать пешками в грязных играх столичных кланов. Она — Аля Нотлайт, безупречная «фарфоровая куколка» высшего света с тайным даром смертоносной магии льда и умом шахматиста. Он — Дамиан де Гранвиль, холодный наследник Великого Герцогства, привыкший выживать среди ядов и заказных убийц. Их помолвка была продиктована сухим коронным расчётом, но дворцовые интриганы просчитались: вместо послушных марионеток они свели вместе двух опасных хищников.

Это монументальная хроника их взросления и борьбы. От настороженного детского пакта о союзе — сквозь яд, бальные дуэли, вспышки собственнической ревности и первое запретное влечение юности — к открытому мятежу и беспощадной битве за имперский престол. История двух равных умов, чей вынужденный политический союз перерастает в сокрушительную любовь, способную сжечь империю дотла.

Содержание

АКТ I. ВОЛЧЬИ КЛЫКИ И ХРУСТАЛЬНЫЙ ЛЁД	4
ГЛАВА 1. ПУТЬ НА ЭШАФОТ	4
ГЛАВА 2. УЖИН В ВОЛЧЬЕЙ СТАЕ	30
ГЛАВА 3. СДЕЛКА ПРИ СВЕЧАХ	59
ГЛАВА 4. УЛЫБКИ ИЗ БЕЛОГО ЯДА	83
ГЛАВА 5. ТАНЕЦ ФАРФОРОВЫХ КУКОЛ	124
ГЛАВА 6. КЛЯТВА В СОЮЗЕ	162
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Семён Майский

В тени хрустального трона

АКТ I. ВОЛЧЬИ КЛЫКИ И ХРУСТАЛЬНЫЙ ЛЁД

ГЛАВА 1. ПУТЬ НА ЭШАФОТ

Туман над долиной Нотлайт всегда пах речной сыростью, прелой ольхой и дымом из деревенских очагов. Этот запах был моим домом. Он вьелся в толстую шерсть отцовского плаща, в гриву его старого боевого гнедого жеребца Бурана и в деревянные перила нашей скромной двухэтажной усадьбы.

Мне исполнилось десять лет всего три дня назад, но отец по-прежнему сажал меня впереди себя в высокое кавалерийское седло, бережно придерживая поперек груди своей огромной, тяжелой ладонью. Его пальцы были испещрены белыми застарелыми рубцами от вражеских палашей и тугой тетивы, кожа на них загрубела до состояния выделанной воловьей кожи, однако держал он меня так, будто я была тончайшей хрустальной статуэткой, способной разбиться от малейшего сквозняка.

— Держись за луку, Аля, — негромко гудел за моей спиной его низкий, спокойный голос, от которого мерно вибрировала широкая грудь. — Сейчас спустимся к мельнице старого Томаса. Посмотрим, починили ли они колесо после половодья.

Я послушно кивнула, вцепившись маленькими пальчиками в потертую кожу седла, но взгляд мой скользил не по осенним перелескам, а по лицам крестьян, высыпавших на край разбитой колеи.

Когда Буран мерно ступал по глинистой дороге первой деревни, люди не падали на колени в испуге, не прятали дочерей за плетни и не отводили глаз, как это делали в соседних графствах. Мужики снимали войлочные шапки, обнажая стриженные затылки, бабы в ситцевых платках низко кланялись, улыбаясь устало, но тепло, а чумакая ребятня махала нам руками с завалинок.

— Здравья вашей милости! Долгих лет барону! — разносилось над плетнями.

Отец натянул поводья возле покосившейся избы вдовы Марфы. Женщина стояла у крыльца, прижимая к фартуку троих исхудавших мальчишек. В прошлом месяце ее муж сгинул на сплаве леса, и с тех пор их труба почти не курилась дымом.

— Марфа, — окликнул ее отец, легко соскочив на землю и одним слитным движением сняв меня с седла. Он опустил меня на сухую траву, бережно поправив подол моего

темно-синего шерстяного платья, а сам шагнул к крыльцу.
— Дрова из господского леса староста привез?

— Привез, ваша милость... все до поленца сгрузили, храни вас боги, — женщина судорожно сглотнула, кутаясь в дырявую шаль, и слезы покатались по ее запавшим щекам. — Только вот за помол зерна мне расплатиться нечем... Мельник в долг больше не берет, а дети третий день на одной репе...

Отец не стал читать морали. Он не нахмурился, не заговорил о хозяйской строгости, как учил его королевский устав. Его широкое, строгое лицо, иссеченное шрамами былых походов, дрогнуло от невыносимой, почти детской жалости. Он полез под плащ, расстегнул кожаный поясной кошель и выгреб оттуда все, что там звенело: серебряные кроны, медные гроши, даже две золотые полукроны — последние деньги, оставшиеся после ярмарочных закупок.

— Возьми. Отдашь мельнику, а на сдачу купи мешок ржи и двух коз, — твердо произнес он, вкладывая монеты в дрожащие шершавые ладони вдовы. — И если кто в деревне обидит — сразу шли мальчишку на усадьбу. Ты под защитой Нотлайтов, Марфа. Запомни это.

Женщина опустилась на колени прямо в дорожную пыль, пытаясь поцеловать край его запылившегося армейского сапога, но отец отступил, смущенно кашлянув, и быстро поднял ее за плечи:

— Полно, полно тебе... Мы же люди, Марфа. Не боги и

не тираны.

Я смотрела на широкую спину отца, на его потертый камзол без золотого шитья, и горло мне сдавливал тугой, горячий комок любви и... ледяного, пронзительного ужаса.

Мой отец был героем войны. Он лично спас отступающий императорский полк в кровавой мясорубке при Черном Броде, за что государь и бросил ему этот клочок земли с титулом барона. Но в мире, где правили древние аристократические кланы, его чистая, открытая душа была обнаженным сердцем, подставленным под клинки. Отец судил людей по себе. Он верил, что честь — это щит, а верность слову — закон.

«Ты слишком благороден для этого мира, папа, — думала я, сжимая в кармане платья тонкий льняной платок, вышитый матерью. — Слишком чист. Столичные волки разорвут тебя в клочья и даже не заметят, как проглотят твои кости».

И тут под тонкой тканью перчатки мои пальцы обожгло знакомым, тревожным покалыванием.

Ночь моего десятилетия вернулась вспышкой перед глазами. Полночь, тишина спальни, холодный лунный свет, струящийся сквозь оконную раму. Я тогда подошла к стеклу, на котором осел густой, мутный конденсат. Бессмысленно коснулась пальцем прозрачной капли — и воздух вокруг застыл.

Капля не стекла вниз. Она задрожала, отделилась от поверхности и взмыла в воздух, повинаясь крошечному, едва уловимому движению моей воли. Я повела рукой — и капля послушно закружилась в воздухе, словно живой жид-

кий бриллиант. Я сжала мысль в кулак — и вода мгновенно отвердела, обратившись в тончайшую, прозрачную, смертоносную иглу льда, упавшую на подоконник с сухим стеклянным стуком.

Без слов. Без заклинаний. Без радужного свечения ауры, которое выдает магов империи при рождении.

Я знала законы Империи Хрустального Венца наизусть — мама заставляла меня зубрить своды уложений наравне со светским этикетом. Незарегистрированная магия каралась одним: тайная инквизиция, железные кандалы, лишение дворянства и безымянный эшафот в подземельях столицы. Даже Альфред Нотлайт, со всеми своими орденами и милостью государя, не смог бы защитить десятилетнюю дочь от костра или бессрочной ямы.

В ту ночь я не заплакала и не побежала в спальню родителей. Я растопила ледяную иглу теплом ладони, вытерла воду подолом и поклялась самой себе: никто и никогда не узнает об этом даре. Он станет моим невидимым стилетом. Оружием, которым я перережу глотку любому, кто осмелится посягнуть на покой моего отца и улыбку матери.

Мы вернулись в усадьбу к полудню, когда осеннее солнце окончательно скрылось за свинцовой пеленой туч. Воздух звенел от предчувствия дождя, но вместо первых раскатов грома тишину нашего дома разорвал резкий, пронзительный звук серебряного горна.

Буран нервно прятнул ушами, загарцевав на мощеной до-

рожке. Отец нахмурился, мгновенно подобравшись, и привычным движением задвинул меня за свою спину, еще не успев сойти с коня.

Наш парадный двор — вымощенный простым серым булыжником, окруженный аккуратными клумбами увядающих хризантем, за которыми бережно ухаживала мама, — был буквально растоптан.

Посреди него застыл огромный, громоздкий дормез, выкрашенный в кричащий лазурный цвет с золотой филигранью по дверцам. На полированных панелях красовался герб с короной и скрещенными скипетрами — личный знак Императорского Двора. Вокруг повозки стоял эскорт из дюжины тяжелых кавалеристов в лакированных кирасах и длинных плащах из темно-синего и серебряного бархата. Это были гвардейцы Великого Герцогства Гранвиль. Их кони — породистые вороные гиганты — взрывали копытами ухоженный гравий, а сами всадники с неприкрытой брезгливостью оглядывали невысокие стены нашей усадьбы из дикого камня.

— Что здесь происходит? — глухо произнес отец, спешиваясь и снимая меня с седла. Его рука уже привычно легла на рукоять тяжелого кавалерийского палаша.

Дверца лазурной кареты с глухим щелчком откинулась. Лакей в белом напудренном парике торопливо подставил бархатную скамеечку, и на нее ступил человек, при виде которого у меня внутри все заледенело.

Это был мужчина лет сорока пяти, укутанный в горностаевую мантию поверх камзола из парчи такого густого серебряного отлива, что он слепил глаза. Лицо вельможи было выбелено рисовой пудрой, щеки тронуты искусственным румянцем, а к носу он демонстративно прижимал кружевной батистовый платок, густо надушенный терпким бергамотом и амброй.

— Боги всемогущие... — процедил он тонким, дребезжащим тенором, даже не удостоив нас взглядом и обращаясь к сопровождавшему его офицеру. — Этот провинциальный воздух... Он пахнет навозом, конским потом и плебейской капустой. Какое варварство. Я требую, чтобы мои сундуки внесли немедленно, иначе эта сырость безвозвратно испортит тончайший столичный шелк моих камзолов!

На крыльцо усадьбы в этот миг плавно ступила моя мать. Баронесса Элиза Нотлайт была в строгом темно-изумрудном платье с глухим воротом, ее иссиня-черные волосы были уложены в безупречную косу, венчавшую голову на манер короны. На ее лице играла вежливая, едва заметная полуулыбка — та самая, от которой у столичных снобов обычно немели кончики пальцев. Она не выказала ни тени смущения.

— Рада приветствовать посланников короны в баронстве Нотлайт, — ее голос прозвучал как чистый серебряный колокольчик, легко перекрыв нервное фырканье коней. — Хотя в наших краях принято предупреждать о высоком визите

заранее, дабы хозяева успели проветрить конюшни от... излишне навязчивых столичных благовоний.

Церемониймейстер скривился, опустив платок, и его маленькие свиные глазки вперились сначала в маму, а затем переметнулись на нас с отцом.

— Барон Альфред Нотлайт? — столичный гость даже не склонил головы, сделав лишь легкий, небрежный кивок, приличествующий обращению к трактирщику. — Я — маркиз де Бренье, главный церемониймейстер малого императорского круга. Я проделал эту чудовищную дорогу по топям и грязи не ради обмена провинциальными любезностями.

Отец стоял неподвижно, как гранитный утес. Его челюсти сжались так, что на скулах отчетливо обозначились желваки.

— Если у вас есть дело к хозяину этого дома, маркиз, сойдите на землю и войдите под кров. На ветру указы государя не обсуждают.

— Под этот кров? — де Бренье театрально усмехнулся, брезгливо приподняв полы мантии кончиками пальцев в перстнях. — Увольте, барон. Я предпочту завершить эту неприятную обязанность как можно скорее и вернуться на постоянный двор в город. Слушайте же высочайшую волю!

Он вынул из расшитой золотом дорожной сумки тяжелый свиток пергамента, с которого свисали две массивные печати: одна из алого хрустального сургуча с императорским вензелем, вторая — из черного воска с оскаленным грифоном Великого Герцогства Гранвиль.

Гвардейцы в сине-серебряных плащах синхронно вытянулись в струну, положив руки на эфесы шпаг. Во дворе повисла вязкая, мертвая тишина.

— «Именем Его Императорского Величества и по согласию Высокого Совета Великого Герцогства Гранвиль, — зачитал де Бренье, чеканя каждое слово с ядовитой отчетливостью, — объявляется о заключении помолвки между наследником дома Гранвиль, лордом Дамианом де Гранвилем, и благородной юной леди Ариадной-Элизабет Нотлайт, дочерью барона Альфреда Нотлайта...»

Слова ударили меня в грудь, словно комья мерзлой земли. Гранвили? Древнейший герцогский род империи? Семья, чье богатство могло купить три таких королевства, а жестокость держала в страхе половину Сената? Они... берут меня в невесты? Дочь новоиспеченного барона, чье дворянство было добыто не кровью предков, а вчерашними солдатскими мозолями?

Это было не возвышение. Это была западня. Идеально сплетенная золотая петля, наброшенная на шею нашей семьи.

— Семье надлежит незамедлительно прибыть в столицу для представления ко двору и подписания брачного протокола, — закончил маркиз, небрежно свернув свиток и протянув его отцу, словно грошовую милостыню.

Отец не шевельнулся, чтобы принять пергамент. Его серо-стальные глаза налились темной, грозной синевой.

— Моей дочери десять лет, маркиз, — глухо, роняя слова как тяжелые чугунные ядра, произнес Альфред. — Она ребенок. Я не отдаю ее на закляние вашим столичным стервятникам.

Маркиз де Бренье тонко, оскорбительно рассмеялся, обнажив желтоватые неровные зубы:

— На закляние? Какая деревенская неблагодарность! Государь оказывает неслыханную честь безродному рубака! Вам пожаловали дворянство из жалости к вашим солдатским ранам, барон, а теперь бросают кусок с барского стола, о котором мечтают принцы крови! Высочка из армейских низов должен ползти на брюхе до самого Хрустального Дворца и целовать следы копыт наших лошадей, а не рассуждать о чувствах девчонки! В вашей усадьбе навозом пахнет сильнее, чем приличиями, а гонору — словно у герцога!

Воздух во дворе словно сжался до предела.

Отец побелел. Страшная, мертвенная бледность залила его лицо. Рука в перчатке сжалась на рукояти палаша, и металл гарды жалобно скрипнул под нечеловеческой силой пальцев. Одно движение — один дюйм обнаженной стали против королевского посланника — и по законам империи это будет объявлено государственной изменой. Нас всех казнят. Наш дом сожгут, а людей отправят на каторгу.

— Альфред! — едва слышно выдохнула мать с крыльца, ее пальцы судорожно впились в ткань платья, но она была слишком далеко, чтобы удержать мужа.

Гвардейцы Гранвилей синхронно подались вперед, их ладони легли на клинки.

Отец уже качнулся вперед, готовый разорвать наглого придворного голыми руками, забыв о законах, империи и плахе.

Я шагнула вперед.

Мое движение было тихим и плавным, как скольжение речной змеи под зеркальной гладью воды. Я встала прямо между отцом и лошадей маркиза, расправив плечи и вздернув подбородок.

— Отец, позволь мне, — мой детский голосок прозвучал кристально чисто, тонко и невинно, словно звон серебряной ложечки о край хрустального бокала.

Я опустила в реверанс. Не в тот неуклюжий поклон, которым кланяются в провинции, а в глубокий, математически выверенный «малый придворный реверанс первой ступени», которому мама муштровала меня долгими зимними вечерами. Идеальный угол наклона шеи, веер складок шерстяного платья, абсолютно неподвижные плечи.

Маркиз де Бренье осекся на полуслове, уставившись на меня сверху вниз с комичным недоумением.

Я подняла лицо. Мой взгляд — ледяной, ярко-голубой, лишенный малейшего детского трепета — впился прямо в его заплывшие пудрой зрачки. На моих губах расцвела самая кроткая, самая ангельская улыбка, на какую я только была способна.

— Простите дерзость десятилетней девочки, милорд маркиз, — проговорила я с безупречным столичным выговором, растягивая гласные именно так, как это делали в высших салонах. — Но ваш изысканный слух и обоняние столь чутки... Скажите, правильно ли я поняла ваши мудрые слова?

Де Бренье моргнул, сбитый с толку моим тоном: — Ч-что ты лепечешь, дитя?

— Вы изволили заметить, что государь и Великий Герцог Гранвиль совершили оплошность, выбрав в невесты наследнику дочь барона Нотлайта, — продолжала я, не сводя с него кротких ледяных глаз. — Неужели вы утверждаете перед свидетелями и гвардией Его Светлости, что выбор самого Императора — это «кусочек с барского стола, брошенный из жалости», а решение Великого Герцога породниться с нашим домом пахнет, как вы изволили выразиться, «навозом, а не приличиями»?

Маркиз побледнел под толстым слоем рисовой пудры. Его щеки мелко затряслись. — Я... я не это имел в виду! Девчонка, ты дерзко перевираешь мои слова!

— О, конечно нет, милорд! — я всплеснула ручками с трогательной детской искренностью. — Ведь никто из верных подданных не посмел бы назвать высочайший эдикт государя дурно пахнувшей ошибкой! Но тогда у меня есть второй нижайший вопрос... Должна ли я на первой же личной аудиенции у Великого Герцога Гранвиля и его венценосной супруги пересказать им, какими именно словами их глав-

ный церемониймейстер отзывался о чести рода их будущей невестки? Или же... вы предпочтете прямо сейчас принести барону Нотлайту свои глубочайшие извинения за усталость, вызванную долгой дорогой?

Тишина стала абсолютной.

Капитан гвардейцев Гранвилей в сине-серебряном плаще медленно отвел руку от эфеса шпаги. Под его жесткими седыми усами мелькнула тень злой, откровенно одобрительной усмешки. Он прекрасно понимал: если слова де Бренье дойдут до Великого Герцога в такой трактовке, маркиз в лучшем случае лишится должности и отправится в бессрочную ссылку варить соль на северных рубежах.

Капли пота проступили сквозь пудру на лбу маркиза, собираясь в мутные грязные ручейки. Вся его надменность лопнула, как мыльный пузырь, проткнутый тонкой ледяной иглой.

— Я... — маркиз судорожно сглотнул, комкая надушенный платок в кулаке. Он тяжело перевел взгляд с меня на окаменевшего барона Альфреда, чей палаш все еще был готов вырваться на свободу. — Дорога действительно была... чрезмерно утомительной. Пыль и дорожные неудобства замутили мой рассудок. Примите мои извинения, барон Нотлайт. Мои слова были вызваны лишь дурным самочувствием.

Отец медленно, плавно убрал пальцы с рукояти меча. Напряжение в его плечах не спало, но буря отступила.

— Извинения приняты, маркиз, — глухо бросил Альфред. — Указ мы принимаем. Ступайте на постоянный двор. В этом доме вам не нальют даже воды.

Де Бренье торопливо шмыгнул обратно в недра лазурного дормеза, захлопнув дверцу с такой силой, словно спасался от стаи голодных волков. Лакей едва успел запрыгнуть на запятки, и кортеж, вздымая гравий и брызги грязи, поспешно убрался со двора.

Я медленно выдохнула. Сердце в груди колотилось как бешеное, но кончики пальцев оставались холодными и неподвижными.

Я повернулась к крыльцу. Мама стояла на верхней ступени. Ее ярко-голубые глаза сияли темным, гордым торжеством. Она не произнесла ни слова, но едва заметный наклон ее головы сказал мне больше любых витиеватых похвал: первый бой был выигран без единой капли пролитой крови.

Сборы заняли три дня, и эти дни превратились в молчаливую семейную агонию.

Отец не спал ночами. Я слышала, как половицы в его кабинете скрипели под тяжелыми армейскими шагами до самого рассвета. Мама перебирала мои платья, безжалостно откладывая в сторону простые льняные сорочки и легкие шерстяные юбки, заменяя их нарядами из тяжелого черного и темно-синего шелка, извлеченными из дорожных сундуков ее столичной юности.

— Слушай меня внимательно, Аля, — говорила мама, за-

тягивая на мне тугой корсаж с такой силой, что мне перехватывало дыхание. Ее тонкие, холеные пальцы действовали уверенно и беспощадно. — В столице нет детей. Там есть хищники и есть мясо. Запомни это раз и навсегда. Твоя кротость должна быть маской, твоя вежливость — кольчугой. Если ты опустишь глаза перед дочерьми герцогов — они растопчут тебя каблуками. Если закричишь от боли — добьют. Ты — Нотлайт. За твоей спиной — воинская слава твоего отца и моя гордость.

— Я не опущу глаз, мама, — тихо ответила я, глядя на свое отражение в мутном зеркале орехового трюмо.

Из глубины стекла на меня смотрела не маленькая девочка из глухой провинции, привыкшая бегать босиком по утренней росе. На меня смотрела юная хищница с алебастровой кожей, шелковыми черными волосами и взглядом, в глубине которого плескалась смертоносная, расчетливая холодная глубина.

Дорога в столицу заняла две недели бесконечной дорожной тряски. Наша скромная баронская карета казалась хрупкой щепкой в бушующем море осенней слякоти. Отец все эти дни ехал верхом рядом с дверцей экипажа, не снимая кольчуги даже на ночлегах в придорожных трактирах, и его рука почти всегда покоилась на оружии, готовая отразить любое нападение из придорожного леса.

И вот однажды утром серый болотный туман расступился. Перед нами выросла Столица Хрустального Венца.

Это был город-монстр, подавляющий своей мрачной, хищной роскошью. Исполинские стены из черного базальта вздымались в пасмурное небо, увенчанные острыми зубцами и дозорными башнями с ощетинившимися жерлами баллист. Сверху на город давил колоссальный Хрустальный Дворец, чьи граненые шпили терялись в свинцовых тучах, а чуть в стороне, на отвесной скале, возвышалась Цитадель Гранвилей — колоссальная громада из темно-серого гранита, похожая на спящего каменного зверя, готового в любой миг опустить лапу на шею империи.

Начался ледяной, секущий дождь. Тяжелые осенние капли с глухим, частым стуком барабанили по крыше нашей кареты, стекая по мутным стеклам длинными, неровными водяными дорожками.

Когда наша упряжка медленно втянулась в чудовищные чугунные ворота внешней крепости, кованые колеса загремели по скользкой столичной брусчатке. На широких проспектах стояли роскошные экипажи знати с позолоченными гербами. Уличные зеваки, лакеи в золоченых ливреях и разодетые в бархат аристократы под шелковыми зонтами проводили нашу скромную провинциальную повозку презрительными, оценивающими взглядами.

Я слышала их смешки. Слышала ядовитый шепот, пробивавшийся сквозь монотонный шум дождя: — Глядите... Это те самые выскочки Нотлайты... — Неужели эта нищая девочка войдет в дом Гранвилей?.. — Великий Герцог сошел

с ума... Долго ли они протянут при дворе? Ставлю сотню золотых, что до первого же зимнего бала...

Отец снаружи сжал челюсти так, что слышался хруст, но держал спину прямо, как на параде перед императором, не удостоив столичную чернь и дворян даже мимолетным взглядом.

Я прижалась лбом к холодному стеклу кареты. Снаружи хлестали струи ливня. Я закрыла глаза на долю секунды, коснувшись кончиками пальцев деревянной рамы, и почувствовала, как вода снаружи послушно откликнулась на мой тайный зов. Капли на стекле перестали хаотично стекать вниз — они замерли, послушно выстроившись в тонкую ледяную сетку, в точности повторяющую контуры моей маленькой ладони.

Вода шептала мне о силе. Вода не знала страха перед древним камнем и столичным золотом.

Я открыла глаза и гордо выпрямилась на кожаном сиденье, расправив плечи под строгим шелком платья.

Мы въезжали на эшафот, уготованный нам столичными кланами. Но я поклялась себе, что если кому-то и суждено будет сложить здесь голову — это будут те, кто осмелится встать на пути моей семьи.

* * *

Клинок мастера Вейна со звоном рассек воздух в полудюйме от моего виска.

Я успел уйти назад, сместив центр тяжести, и парировал

контрудар коротким встречным движением тяжелого тренировочного меча. Железо ударило о железо с такой силой, что в костях предплечья отозвалась тупая ноющая боль, а мелкая меловая пыль под подошвами моих сапог брызнула в стороны.

— Быстрее, лорд Дамиан, — не повышая хриплого голоса, произнес мастер клинка. Старый рубака кружил передо мной по подземному фехтовальному залу Цитадели Гранвилей, держа оружие с непринужденной легкостью. — Если вы позволите гневу управлять кистью, противник перехватит инициативу на третьем такте.

Я не ответил. Я лишь плотнее сжал обтянутую замшей рукоять, заставив себя выровнять дыхание.

Гнев... Он был прав. Последние четыре недели я прожил с этим глухим, давящим чувством в груди, глуша его единственным доступным способом — изнурительными тренировками на пределе сил, пока мышцы не начинало сводить судорогами, а ладони в перчатках не промокали от пота.

Почти месяц назад государь скрепил своей хрустальной печатью эдикт о моей помолвке. Почти месяц столичные салоны, кулуары Сената и Большие ложи Хрустального Дворца гудели, словно потревоженный осиный рой.

Древнейший герцогский род империи, чья кровь восходила к Первым Хранителям, брал в свой дом дочь провинциального барона. Для старой знати это выглядело непостижимой, вопиющей пощечиной. Весь этот месяц на приемах

я ловил на себе лицемерные сочувственные взгляды кузенов, ядовитые полуулыбки графов малого круга и притворно-сладкие вздохи графини Морват: «Бедный мальчик... Какая странная причуда Великого Герцога. Неужели в столице не нашлось достойной крови?»

Они не смели говорить это вслух в присутствии моего отца — перед Великим Герцогом весь этот серпентарий склонялся до самого паркета. Но за нашими спинами яд тек рекой. И я не имел права ответить им обнаженной сталью: протокол и кодекс Гранвилей требовали сохранять абсолютное, высокомерное ледяное спокойствие.

Поэтому я отвечал здесь. В тишине каменных сводов, раз за разом принимая на щит удары лучшего мечника герцогства.

Слова отца, сказанные мне в день подписания эдикта, выглись в моей памяти навсегда. Я помнил сумрак его личного кабинета, огромную карту провинций на мореном дубе и тяжелую ладонь правителя на моем плече: «Ты видишь лишь уязвленную гордость, Дамиан. А я вижу грядущую бурю. Северный альянс Морвата и недовольные кланы Сената только и ждут повода, чтобы расшатать трон. В случае открытого мятежа золотые гербы не спасут ни корону, ни нас. Спасти может только армия. А тридцать тысяч ветеранов пограничных легионов пойдут не за столичными щеголями. Они пойдут за бароном Альфредом Нотлайтом, который вывел их полки из огня при Черном Броде. Этот брак — не любов-

ный роман, сын. Это стальной замок на границах и верность армии, которую враги не смогут перекупить ни за какие сокровища».

Отец мыслил империями и десятилетиями. Я признавал его правоту умом, но сердце двенадцатилетнего наследника бунтовало против навязанной роли. Жениться на десятилетней девочке из глухого пограничья, чей род появился на дворянских свитках лишь вчера?

А две недели назад из баронства Нотлайт прискакал взмыленный конный курьер с секретным пакетом от тайной службы.

Я присутствовал при докладе советника Корвуса. Начальник тайной стражи цитадели бесстрастно зачитал отчет о том, что произошло во дворе баронской усадьбы.

Маркиз де Бренье, посланный вручить высочайший указ, решил потешить спесь и прилюдно осыпал барона оскорблениями. Ветеран войны побелел и схватился за эфес палаша — еще миг, и клинок бы вышел из ножен, что обернулось бы немедленным арестом за измену короне.

Но между боевым клинком отца и церемониймейстером встала его десятилетняя дочь.

Корвус с редким для него профессиональным изумлением пересказывал детали: идеальный малый реверанс первой ступени, невинный детский голосок и два отточенных вопроса, поставленных с безупречной дипломатической точностью. Девочка загнала посланника в неразрешимую ловушку.

ку: либо он при свидетелях подтверждает, что считает решение Императора и Великого Герцога ничтожной ошибкой, либо публично просит прощения у барона. И спесивый придворный сноб, дрожа от страха за свою шкуру, опустился перед скромным воином на колени.

Все эти четырнадцать дней, пока баронская карета месила осеннюю грязь по пути в столицу, этот рапорт не выходил у меня из головы.

Кто она? Просто избалованная девчонка, нахватавшаяся фраз из столичных брошюр матери, или расчетливая молодая волчица, инстинктивно почуявшая слабость противника?

Сегодня мне предстояло узнать это лично.

— Время вышло, милорд, — глухо произнес Вейн, опуская меч и отвешивая короткий поклон. — На дозорной башне подняли флаг. Экипаж барона миновал нижние ворота крепости.

Я опустил тренировочный клинок, бросив его оруженосцу.

Через четверть часа следы усталости и тренировочной пыли были смыты ледяной водой. Я облачился в строгий камзол из полночно-синего бархата с тонкой серебряной каймой на вороте и манжетах — цвета нашего дома. На правый указательный палец лег тяжелый перстень с оскаленным грифоном, сжимающим молнию.

По придворному протоколу Великий Герцог не снисхо-

дил до встречи баронов у порога — аудиенция в тронном зале была назначена на завтрашнее утро. Однако императорский устав требовал, чтобы наследник рода лично засвидетельствовал уважение герою войны и встретил почетных гостей на въезде во внутренний двор.

Когда я спустился на широкую крытую мраморную галерею, выходящую в парадный двор цитадели, дождь снаружи уже превратился в сплошную холодную стену.

По обе стороны от меня выстроились две шеренги гвардейцев в полированных до зеркального блеска кирасах и темно-синих бархатных плащах. Серебряные наконечники их протазанов мерно поблескивали в серых сумерках ненастного дня. Холодный сквозняк трепал полы моего камзола, донося запах мокрого камня, конской упряжи и свежего озона.

С глухим металлическим скрежетом кованые решетки поднялись.

Во двор, стуча ободьями по скользкому мокрому булыжнику, въехала темная карета. Она выглядела потрепанной двумя неделями непрерывных дождей и скверных дорог: заляпанные бурой глиной колеса, потускневший лак, мокрые лошади, от спин которых в ледяной воздух поднимался густой белый пар. Конный эскорт барона состоял всего из полудюжины верных людей, державшихся в седлах с военной строгостью.

Повозка замерла точно напротив мраморной галереи, в

двадцати шагах от того места, где стоял я.

Первым спешил сам барон.

Альфред Нотлайт прыгнул на мокрые плиты без малейшей суеТЫ, с легкостью человека, для которого тяжелая бриганТИна была привычнее домашней рубахи. Он был высок, широкоплеч, с открытым, суровым лицом ветерана, на котором читалась настороженность воина, входящего во вражескую цитадель. Его рука машинально лежала на поясном ремне в дюйме от гарды оружия. Он окинул галерею цепким, оценивающим взглядом, мгновенно отметив расстановку гвардейцев, но заметив меня, склонил голову в строгом, исполненном достоинства военном салюте.

Затем барон распахнул дверцу кареты.

Он бережно подал руку супруге. Баронесса Элиза ступила на ступеньку с безупречной царственной осанкой, ее сапфировые глаза скользнули по сводам цитадели спокойно и холодно, словно она вернулась в родные пенаты после долгой прогулки, а не прибыла в логово могущественнейшего клана империи.

И лишь затем Альфред протянул руки внутрь экипажа и осторожно, словно хрупкую святыню, опустил на каменные плиты двора свою дочь.

Она стояла под секущими струями ливня, укутанная в тяжелый дорожный плащ из темной непромокаемой шерсти.

Я не шелохнулся, наблюдая за ней из-под мраморного навеса галереи. В моих пальцах застыло напряженное жи-

дание. Я ждал детской растерянности. Ждал испуганного взгляда провинциалки, подавленной исполинскими базальтовыми башнями, блеском гвардейских доспехов и мрачной роскошью древней цитадели. Большинство столичных девочек ее возраста при виде нашего замка теряли дар речи и прятались за подолы гувернанток.

Она не стала прятаться.

Спокойным, размеренным движением тонких пальцев в черных перчатках она откинула назад мокрый капюшон плаща.

Иссиня-черные, густые волосы, гладко уложенные назад, блеснули в полумраке под каплями мороси. Бледное, с правильными точеными чертами лицо казалось высеченным из чистейшего алебастра.

Она подняла голову.

Расстояние между нами составляло не больше двадцати шагов. Никаких преград, никакой толпы — лишь сырой осенний воздух и тяжелые капли дождя, разбивающиеся о гранитные плиты между нами.

Наши взгляды столкнулись в упор.

У нее были поразительные глаза. Не просто голубые — пронзительные, чистые, цвета глубокого полярного льда, в котором не было ни крупинки детской наивности, ни малейшей тени страха. Этот взгляд был тяжелым, внимательным и абсолютно осознанным. В нем читалась не мольба о милости и не горделивая спесь выскочки — в нем горел вызов. Твер-

дый, сдержанный, несокрушимый вызов всему этому городу, этой крепости и мне лично.

В этот краткий миг воздух на галерее словно сжался.

Мне показалось — или вокруг моих пальцев внезапно повеяло резким, колющим зимним холодом? Брызги дождя, летевшие с карниза портика, на долю секунды странно замедлили свое падение у края ступеней, дрогнув хрустальной россыпью, прежде чем с глухим шелестом разбиться о мрамор.

Ощущение длилось не дольше одного удара сердца, но волосы у меня на затылке встали дыбом.

Она не дрогнула. Стоя под осенним дождем в своем дорожном платье, десятилетняя Аля Нотлайт держала осанку с таким достоинством, словно за ее спиной стояла целая армия. Она сделала шаг вперед и опустилась в безукоризненный, сдержанный реверанс — ровно на ту глубину, какую предписывал протокол при приветствии наследника дома, не уступив ни дюйма собственной чести.

Я медленно шагнул вперед к самому краю галереи, положив ладонь в перчатке на рукоять церемониального кортика у пояса, и ответил ей выверенным аристократическим поклоном головы.

Маленькая хищница из пограничья ступила в наш мир.

Столичные кланы уже готовили для нее ядовитые ловушки на каждом шагу, надеясь растоптать ее имя на первом же светском балу. Но, глядя в эти ледяные глаза, я впервые

за этот долгий, мучительный месяц ощутил, как холодный скепсис внутри меня уступает место мрачному, азартному уважению.

«Ты приехала на эшафот, Ариадна-Элизабет, — подумал я, не отводя взгляда от ее бледного лица. — Они попытаются разорвать тебя при первой же ошибке. Но если ты выдержишь их удары... если твой лед окажется крепче их яда — я научу тебя побеждать в этой войне. И мы вместе заставим эту столицу склонить голову перед нашими домами».

ГЛАВА 2. УЖИН В ВОЛЧЬЕЙ СТАЕ

Гостевые покои Восточного крыла Цитадели Гранвилей дышали вековым, вьевшимся в гранит холодом.

Огромный камин, вытесанный из цельной глыбы черного базальта, жадно пожирал дубовые поленья, но его пламя казалось бессильным против промозглой сырости, сочившейся из узких стрельчатых окон. За стеклами свинцового переплета все так же яростно хлестал осенний ливень. Ветер завывал в водосточных желобах замка, напоминая глухое рычание сотен сторожевых псов, запертых в подземельях.

— Проклятая столичная удавка... — глухо прорычал отец, дернув пальцем тугой воротник тончайшей батистовой сорочки.

Барон Альфред Нотлайт мерил шагами длинную гостиную, застеленную потертым гобеленовым ковром. Каждый его шаг отдавался тяжелым, размеренным стуком каблуков по дубовым половицам. На нем был парадный офицерский камзол из темно-синего сукна с серебряными полковыми пуговицами — тот самый, в котором он принимал награду из рук государя после битвы при Черном Броде. Камзол сидел на широких плечах отца безупречно, но без привычной портупеи и тяжелого боевого палаша на бедре Альфред казался самому себе раздетым донага.

Оружие у нас отобрали у самых дверей внутреннего дон-

жона. Седой капитан герцогской стражи потребовал сдать сталь с вежливым, но непрекесаемым поклоном: таков был нерушимый закон Цитадели. Ни одна живая душа, кроме самих Гранвилей и их личной охраны, не имела права переступить порог внутренних покоев со сталью у пояса. Отец растегнул перевязь молча, но я видела, как побелели его косяшки, когда он передавал ножны чужим рукам. Воин, лишенный клинка в логове потенциального врага, чувствовал себя загнанным в капкан зверем.

— Альфред, перестань метаться, — раздался спокойный, певучий голос матери. — Ты поднимаешь сквозняк, от которого мерцают свечи.

Мама стояла позади меня перед высоким трехстворчатым трюмо. Ее тонкие, удивительно сильные пальцы безжалостно затягивали шелковые шнуры на моем темно-сапфировом парадном платье. Это платье было сшито лучшей столичной портнихой для мамы еще до войны, и теперь, перекроенное под мою хрупкую фигуру, оно облегло меня плотной, жесткой броней. Корсаж сдавливал ребра так, что каждый вдох приходилось отмерять короткими, выверенными порциями, заставляя спину выгибаться в идеальную, натянутую струну.

— Элиза, мы суем головы в волчью пасть, — отец резко развернулся на каблуках, и его широкие брови сошлись на переносице в глубокую складку. — Ты видела мальчишку на галерее? Двенадцать лет, а взгляд — словно у начальника полевой инквизиции. Ни единого лишнего движения,

рука на кортике, за спиной две шеренги отборных рубак. А его отец? Великий Герцог даже не спустился к нам! Прислал мальчишку встречать генерала империи, а сам ждет за накрытым столом, словно владыка мира!

— Великий Герцог поступил строго в соответствии с уложением о рангах первой степени, мой дорогой, — невозмутимо ответила мама, завязав шнур тугим двойным узлом и разгладив складки тяжелого шелка де Шанталь на моих плечах. В зеркале ее лицо казалось высеченным из чистейшего северного мрамора: ни тени дорожной усталости, ни намек на тревогу. — Прибытие барона не требует личного присутствия владетельного герцога у крыльца. Но то, что он выставил на галерею единственного наследника в парадных цветах дома, — это не пренебрежение. Это демонстрация высочайшего внимания. Герцог показывает столице, что считает эту помолвку государственной необходимостью.

— Не удивлюсь, если на этом ужине они подадут нам отравленное жаркое, — буркнул отец, подходя к камину и тяжело опираясь кулаком о каменную полку.

— Не говори глупостей, Альфред, — мама взяла с туалетного столика серебряный гребень и принялась укладывать мои иссиня-черные волосы, разделяя их на ровный пробор и закрепляя у висков тонкими сапфировыми шпильками. — Гранвили не опускаются до яда на первом же семейном ужине. Это слишком грязно, слишком вульгарно и оставляет следы для имперских дознавателей. Их оружие сегодня будет

ным. Нас пригласили не для того, чтобы убить, а для того, чтобы публично сломать.

Мама опустила ладони мне на плечи. Ее ярко-голубые глаза — в точности такие же, как у меня, пронзительные и ледяные — встретились с моим взглядом в отражении стекла.

— Слушай меня каждое мгновение, Аля, — ее голос понизился до едва различимого шепота, в котором звенела натянутая тетива. — Хозяйка этого замка — герцогиня Виктория де Гранвиль. По рождению она происходит из дома Морват, древнейшей северной знати. Для нее наш род — нищие солдатские выскочки, запятнавшие чистоту крови великих домов. Она считает эту помолвку личным оскорблением и сделает все, чтобы заставить твоего отца выйти из себя, а тебя — расплакаться перед ее сыном.

— Я не расплачусь, мама, — тихо произнесла я, не моргая глядя в ее глаза.

— Я знаю, что не расплачешься, волчонок, — на губах матери мелькнула редкая, гордая улыбка. — Но не расплакаться — мало. Нужно победить. Сегодняшний ужин будет обставлен по древнейшему церемониалу Первых Хранителей. Виктория выставит на стол приборы, о назначении которых не слышали в половине провинций. Она предложит блюда, которые требуют филигранной техники обращения с ножом и щипцами. Она будет задавать вопросы, каждый из которых — замаскированная яма с кольями. Если отец перепутает вилку для морских гребешков с вилок для дичи

— завтра об этом будет шептаться весь Большой Сенат. Если ты опустишь глаза или ответишь невпопад — Дамиан де Гранвиль решит, что получил в жены бессмысленную куклу.

Я опустила руку в карман юбки, коснувшись кончиками пальцев сложенного льняного платка. Сердце в груди билось ровно, с тем холодным, отстраненным ритмом, который всегда охватывал меня перед лицом опасности.

Рядом, на серебряном столике, стоял тяжелый хрустальный кувшин с теплой водой для омовения рук. Поверхность воды едва заметно подрагивала от тяжелых шагов отца. Я бросила мимолетный взгляд на прозрачную гладь. Моя ладонь чуть дрогнула — и вода в кувшине мгновенно замерла, натянувшись плотной, неестественно гладкой пленкой, отражая дрожащее пламя каминных свечей. Влага звала меня. Она шептала о силе, которая дремала в моих венах, ожидая лишь мысленного приказа.

«Нет, — одернула я саму себя, сжав пальцы в кулак и разорвав ментальную связь. Поверхность воды в кувшине снова пошла мелкой рябью. — Не здесь. Не сейчас. Сталь этикета должна быть крепче любой магии».

Тяжелый тройной стук в дубовую дверь заставил отца мгновенно выпрямиться.

— Войдите, — не оборачиваясь, бросила мама.

Створка бесшумно распахнулась. На пороге застыл церемониймейстер цитадели — высокий, неестественно худой старик в ливрее из пепельного бархата, державший в костля-

вой руке жезл из черного дерева с серебряным набалдашником в виде когтя грифона. За его спиной в полумраке коридора застыли двое гвардейцев с протазанами.

— Их Светлости Великий Герцог и Герцогиня де Гранвиль ожидают барона Нотлайта с благородной супругой и дочерью в Малом банкетном зале, — скрипучим, лишенным каких-либо эмоций голосом провещал старик, отвесив безукоризненно выверенный, холодный поклон первой ступени.

Отец шагнул вперед, предложив маме согнутую в локте руку. Мама положила свои тонкие пальцы на его темно-синее сукно с такой царственной небрежностью, словно вела за собой не провинциального офицера, а самого государя.

— Идем, Аля, — тихо произнес отец, оглянувшись на меня. В его серо-стальных глазах на миг промелькнула безграничная отеческая нежность, тут же сменившаяся глухой военной решимостью. — Держись рядом со мной.

Я сделала глубокий вдох, расправила плечи и зашагала следом за ними в холодный сумрак коридоров.

Путь сквозь сердце замка походил на шествие сквозь каменное чрево спящего чудовища.

Бесконечные анфилады галерей освещались редкими чадящими факелами в железных кольцах. На стенах из грубо отесанного базальта висели потемневшие от времени гобелены, изображавшие кровавые битвы времен основания империи: закованные в латы рыцари рубили мечами северных варваров, кони топтали павших, а над всем этим реял чер-

ный штандарт с серебряным грифоном. Из каждой темной ниши, из-за каждого поворота сквозняк доносил тяжелый дух сырого камня, железа и застарелой копоти.

Через каждые сорок шагов у стен застыли неподвижные фигуры гвардейцев. Их лакированные кирасы блестели в полутьме, глаза под стальными козырьками шлемов провожали нас тяжелыми, оценивающими взглядами. Нас вели не как почетных гостей. Нас конвоировали на плаху.

Наконец, перед нами выросли двустворчатые двери из мореного дуба, сплошь покрытые чеканными серебряными накладками с изображением родового древа Гранвилей. Церемониймейстер трижды ударил жезлом о плиты пола. Металлический звон эхом раскатился под сводами, и лакеи в белых перчатках синхронно потянули тяжелые створки на себя.

Малый банкетный зал ослепил меня обилием огней.

Это было грандиозное помещение с высокими нервюрными сводами, подпираемыми колоннами из черного мрамора с золотыми прожилками. Огромный камин в дальнем конце залы пылал ярким, яростным жаром; его портал был вырезан в форме оскаленной пасти дракона, извергающей огонь. С потолка на массивных цепях спускались хрустальные люстры, в которых горели сотни восковых свечей, заливая залу теплым, но обманчивым золотистым сиянием. Воздух здесь был густым и терпким: пахло жареным мясом с пряностями, дорогим выдержанным вином, воском и тонким, ядовито-сладким ароматом белых лилий, расставленных в высо-

ких фарфоровых вазах.

Посреди залы стоял длинный обеденный стол из цельного белого мрамора, накрытый дамасской скатертью такого ослепительного серебристого отлива, что она казалась вытканной из лунного света. Сервировка стола внушала священный трепет: лунное серебро, кубки из горного хрусталя, расписные тарелки тончайшего императорского фарфора и бесконечные ряды приборов, выстроившиеся возле каждого места подобно строю солдат перед штурмом.

И за этим столом нас уже ждали.

Во главе сидел сам Великий Герцог Валериан де Гранвиль.

Вблизи правитель цитадели казался еще более монументальным, чем в рассказах отца. Широкоплечий, с коротко стриженными волосами с проседью на висках и лицом, будто высеченным из гранитной скалы, он сидел неподвижно, положив тяжелые руки на резные подлокотники кресла. Его графитовый бархатный камзол был застегнут на все пуговицы, на шее мерцала тяжелая цепь Верховного Стража Престола. В его серых глазах не было ни злобы, ни тепла — лишь всесокрушающий, холодный государственный расчет.

По правую руку от него восседала его супруга — герцогиня Виктория де Гранвиль.

При взгляде на нее у меня внутри словно повернулась ледяная игла.

Это была высокая, худощавая женщина лет тридцати пяти с породистым, безупречно красивым и смертельно блед-

ным лицом. Ее пепельно-светлые волосы были уложены в сложнейшую многоярусную прическу, переплетенную нитями черного жемчуга и увенчанную бриллиантовым полумесяцем. Одета в платье из тяжелой серебряной парчи с глухим воротом, расшитым сапфирами, она держала спину с такой ледяной неестественной прямотой, словно проглотила стальной клинок. Ее тонкие, поджатые губы были искривлены в едва заметной, снисходительной полуулыбке, а блеклые, водянисто-серые глаза сканировали нас с ног до головы, словно оценивая стоимость грязи, налипшей на наши подошвы.

А по левую руку от отца сидел Дамиан.

Двенадцатилетний наследник Великого Герцогства сменил дорожный камзол на темно-синий бархат, в точности повторявший цвета моего платья. Его темные волосы были гладко зачесаны назад, открывая высокий благородный лоб и точеные, слишком строгие для его возраста черты лица.

Когда мы приблизились к столу, Дамиан медленно поднял голову.

Наши глаза снова встретились. Точно так же, как три часа назад во дворе, сквозь мокрую пелену дождя. Но теперь между нами было не двадцать шагов, а всего лишь пять ярдов полированного мрамора. Его янтарно-серые глаза блеснули в свете свечей тяжелым, пронизательным огнем. В них не было насмешки его мачехи. В них горело жесткое, аналитическое внимание бойца, оценивающего противника перед

выходом на ристалище.

— Барон Альфред Нотлайт, герой империи и щит пограничья, — звучно возвестил церемониймейстер, — с благородной супругой баронессой Элизой и дочерью Ариадной-Элизабет.

Отец остановился в трех шагах от стола и отвесил глубокий, исполненный военного достоинства поклон. Мама опустилась в плавный, царственный реверанс. Я последовала за ней, выверив наклон корпуса до единого дюйма: не слишком низко, чтобы не выказать раболепия, но достаточно глубоко, чтобы соблюсти протокол перед высшим дворянством.

Великий Герцог Валериан медленно поднялся со своего места, и этот жест был знаком высшей вежливости.

— Приветствую вас под кровлей дома Гранвиль, барон, — голос герцога был низким, раскатистым, привыкшим перекрывать грохот осадных орудий. — Слава о вашей доблести при Черном Броде опережает ваши шаги. Для меня честь разделить трапезу с человеком, чье железо спасло два полка моей гвардии.

Отец поднял голову, и его лицо чуть разгладилось: старый солдат оценил прямоту правителя. — Благодарю за гостеприимство, Ваша Светлость. Мы верны короне и долгу.

— Прошу к столу, — Герцог указал на стулья напротив себя.

Лакеи бесшумно выдвинули массивные дубовые кресла с гербовой обивкой.

Рассадка была выстроена с математической жестокостью столичного этикета. Барона Альфреда посадили напротив Великого Герцога. Мать оказалась точно напротив герцогини Виктории. А меня усадили на край стола — ровно напротив Дамиана де Гранвиля.

Когда я опустилась на тяжелое бархатное сиденье, холодный воздух банкетного зала коснулся моих открытых плеч.

Я положила руки на колени, расправив складки темно-синего шелка, и подняла взгляд. Прямо передо мной на белоснежной скатерти выстроились четыре хрустальных бокала разной высоты, три серебряных ножа, четыре вилки с причудливыми зубцами, две ложки и глубокая серебряная пиала, наполненная ледяной водой с плавающими лепестками белых роз.

Ловушка захлопнулась. Битва началась.

Первое блюдо подали под аккомпанемент мерного звона серебряных колокольчиков. Шестеро слуг внесли массивные круглые подносы под куполообразными крышками.

Когда крышки синхронно взмыли в воздух, по зале разнесся тонкий, йодистый аромат моря и горьких пряностей. На тарелках красовались открытые створки гигантских северных устриц, покоящиеся на подушке из колотого льда, политые соусом из белого можжевельного вина и украшенные дольками заморских лимонов, затянутыми в тончайшую муслиновую ткань.

Это была классическая столичная западня для провинци-

алов.

Большинство армейских офицеров, всю жизнь питавшихся солониной и похлебкой из общего котла, понятия не имели, как подступиться к сырым моллюскам. Они либо пытались резать их обычным ножом, ломая панцирь и брызгая соком на скатерть, либо вовсе отталкивали тарелку в смущении.

Я скользнула быстрым взглядом по лицу герцогини Виктории.

Она не притронулась к своему блюду. Оперев острый подбородок на унизанные сапфировыми перстнями пальцы, она не сводила цепкого, ядовитого взгляда с моего отца. Ее тонкие ноздри чуть подрагивали в предвкушении позора: сейчас грубый солдат опозорит себя перед лакеями, выдавит лимон руками или выпьет воду из чаши для омовения пальцев.

Отец на мгновение замер, глядя на россыпь серебряных приборов. Я увидела, как напряглись мышцы его шеи.

Но прежде чем он успел совершить движение, моя мать сделала едва заметный вдох.

— О, можжевеловые устрицы из Белого Залива, — произнесла мама с легкой, непринужденной улыбкой истинной столичной патрицианки, чей голос звучал мягче весеннего шелка. — Какое изысканное напоминание о приемах покойной императрицы-матери. Помнится, Альфред, когда мы гостили в ставке адмирала после взятия Северного Форта, шеф-повар адмиралтейства сетовал, что только настоящие

офицеры способны оценить морской улов без излишней термической обработки.

Мама плавно, словно продолжая неторопливый светский разговор, взяла крайнюю маленькую вилочку с тремя загнутыми зубцами и аккуратно, кончиками пальцев придерживая лимон сквозь ткань муслина (чтобы ни единая капля сока не брызнула в сторону), сбрызнула моллюска.

Отец мгновенно уловил маневр. Не выказав ни тени замешательства, он с безупречной военной точностью повторил каждое движение матери. Его огромные, иссеченные шрамами пальцы ображались с тончайшим столовым серебром с той же хладнокровной уверенностью, с какой он сжимал рукоять боевого палаша. Одно выверенное движение — устрица была поддета вилкой и отправлена в рот без малейшего шума или неловкости.

Герцогиня Виктория едва заметно дернула бровью. Ее первая атака разбилась о щит матери, даже не оставив царапины.

— Баронесса столь осведомлена о морских деликатесах, — протянула герцогиня тонким, скрипучим голосом, напоминавшим шелест сухого пергамента. — Право, удивительно для семьи, чьи владения затеряны среди болот и деревенских пашен. Говорят, в провинции нынче такой неурожай... Должно быть, вам стоило немалых трудов собрать этот скромный гардероб для поездки ко двору?

Оскорбление было завернуто в тончайшую обертку свет-

ского сочувствия. Виктория прямо намекала на нашу нищету и солдатское происхождение.

Отец нахмурился, его рука на скатерти инстинктивно сжалась в кулак, готовая обрушиться на стол. Но мама лишь тихо, мелодично рассмеялась, промокнув губы кружевной салфеткой:

— Ваша Светлость чрезмерно великодушны в своих заботах о наших крестьянах. К счастью, земля баронства Нотлайт щедро платит тем, кто не боится мозолей и лично заботится о своих людях, а не передоверяет управление вороватым столичным управляющим. Наши амбары полны, а ткани... — мама ласково коснулась моего рукава, — этот фамильный шелк ткался личными мастерами моего деда, графа де Шанталь. Истинное благородство, как известно Вашей Светлости, не тускнеет от дорожной пыли, в отличие от позолоты на свежих гербах.

Удар был нанесен с хирургической точностью. Род де Шанталь был на два века старше рода Морватов, из которого происходила герцогиня. Напомнив о своих древних корнях, мама мгновенно осадил спесивую хозяйку, указав ей на ее собственное место в иерархии древней крови.

На скулах Виктории проступили два багровых пятна сквозь слой белил. Она медленно повернула голову. Ее водянистые, злые глаза оставили маму и сфокусировались на мне.

Хищница сменила цель. Она поняла, что сломать Элизу

ей не под силу, и решила растоптать десятилетнего ребенка.

— А что же наша юная невеста? — пропела герцогиня, и в ее голосе отчетливо зазвучал яд. — Бедное дитя кажется столь немым... Скажите мне, Ариадна, вас учили чему-нибудь в вашей глуши, кроме вышивания грубой шерстью и молитв святым заступникам? При дворе Великого Герцогства мало быть послушной куклой. Дамиану нужна супруга, способная поддержать разговор с послами и принцами крови, а не девочка, пугающаяся звона хрусталя. Не боитесь ли вы, дитя, что эта корона окажется слишком тяжелой для вашей... скромной солдатской головки?

В зале повисла мертвая, звенящая тишина.

Даже слуги за спинами господ перестали дышать. Отец побледнел от ярости, его плечи качнулись вперед, готовые снести стол. Мама уже приоткрыла губы, чтобы парировать выпад, но я сделала то, чего никто не ожидал.

Я тихо, отчетливо коснулась ножкой своего хрустального бокала о край серебряной тарелки.

Тонкий, чистый звон разрезал тишину, заставив всех вздрогнуть.

Я не стала прятаться за спину матери. Я медленно подняла лицо, расправив плечи, и посмотрела прямо в глаза герцогине Виктории де Гранвиль.

Мой взгляд был холодным, ясным и абсолютно спокойным — взглядом волчонка, который почуял чужой страх и готов перекусить протянутую руку. На моих губах расцвела

кроткая, безупречно невинная улыбка, которой мама учила меня перед зеркалом.

— Благодарю за вашу высокую заботу о моем образовании, Ваша Светлость, — мой звонкий детский голосок прозвучал кристально чисто, разносясь под высокими сводами банкетного зала.

Я плавно опустила кончики пальцев в серебряную пиалу с розовой водой, стоявшую передо мной.

В ту же секунду ледяная вода в пиале вздрогнула. Под подушечками моих пальцев жидкость на мгновение словно ожила, откликаясь на всплеск моего адреналина. Капли на лепестках роз задрожали, стремясь выстроиться в крошечные кристаллы льда. Я усилием воли подавила магический импульс, заставив воду оставаться неподвижной, и медленно промокнула влажные пальцы батистовой салфеткой.

— Отец учил меня, что тяжесть короны измеряется не блеском бриллиантов в прическе, а верностью тех клинков, которые готовы за нее обнажиться, — продолжила я, не отводя глаз от лица герцогини. — А в библиотеке моего деда я с великим усердием изучала «Хроники Первых Рубежей», написанные основателем вашего великого рода, герцогом Альбрехтом де Гранвилем.

Я сделала паузу, наслаждаясь тем, как расширились зрачки Виктории.

— Помнится, на сорок седьмой странице первого тома благородный Альбрехт завещал своим потомкам: «Тот дом

обречен на падение и позор, чьи женщины кичатся спесью предков в гостиных, забывая, что само величие их рода было рождено из солдатской крови и верности простых воинов на поле брани».

Я склонила голову набок с трогательной детской непосредственностью: — Неужели в столице переписали древние хроники, Ваша Светлость? Или слова великого основателя вашего дома нынче считаются... устаревшими для высшего круга?

Тишина в зале стала абсолютной.

Казалось, даже огонь в пасти каминного дракона замер, перестав потрескивать.

Герцогиня Виктория де Гранвиль застыла, словно пораженная молнией. Ее рот приоткрылся, лицо побелело до синевы, а пальцы с такой силой впились в край скатерти, что костяшки побелели. Десятилетняя девочка, которую она собиралась публично растоптать перед слугами, процитировала ей фамильный кодекс ее собственного дома, обратив слова ее величайшего предка в смертоносный клинок против ее спеси.

И в этой оглушительной тишине вдруг раздался глухой, раскатистый звук.

Это был смех.

Великий Герцог Валериан де Гранвиль откинулся на спинку своего кресла и негромко, искренне рассмеялся — звуком, от которого задрожали хрустальные подвески на

люстрах.

— Клянусь Хрустальным Престолом... — произнес правитель цитадели, и в его суровых глазах горело неподдельное, хищное восхищение. Он поднял свой кубок с темно-рубиновым вином и салютовал моему отцу: — Барон Альфред, вы воспитали не просто дочь. Вы привезли ко двору настоящую волчицу. Альбрехт Гранвиль аплодировал бы этой девочке стоя!

Отец гордо расправил плечи, на его обветренном лице расцвела сдержанная, торжествующая улыбка воина. Мама медленно, с грацией сытой пантеры, сделала глоток из своего кубка.

Я перевела дыхание, чувствуя, как корсет все еще сжимает ребра, и опустила взгляд на противоположный край стола.

Дамиан не смеялся.

Двенадцатилетний лорд сидел неподвижно, подавшись чуть вперед. Его кубок оставался нетронутым. Он смотрел на меня в упор — тяжело, не моргая, и в глубине его янтарно-серых глаз больше не было высокомерного пренебрежения наследника. Там пылало яростное, опасное пламя. Пламя охотника, который неожиданно наткнулся в темном лесу на равного себе зверя.

Наши взгляды скрестились над серебром приборов, словно два обнаженных клинка. И в этот миг я поняла: этот мальчик больше никогда не посчитает меня чужой или слабой. Он принял бой. И эта война только начиналась.

Остаток ужина превратился в молчаливое, напряженное перемирие, нарушаемое лишь тихим звоном серебра и негромким голосом Великого Герцога.

Валериан де Гранвиль, окончательно проигнорировав бледную, кипящую беззвучной злобой супругу, повернулся к моему отцу. Разговор двух ветеранов быстро ушел от светской мишуры в русло практической военной стратегии. Они обсуждали фортификацию Редфордского перевала, глубину бродов на пограничной реке и снабжение гарнизонов в преддверии зимних бурь. Отец говорил просто, веско, без придворных витиеватостей, и я видела, с каким неподдельным вниманием слушал его правитель цитадели. Герцог искал в отце не утонченного придворного льстеца — ему нужен был несокрушимый бастион на западных рубежах империи, и мой отец идеально подходил на эту роль.

Лакеи сменили блюда. На стол подали седло дикого вепря, запеченное с брусникой и можжевельновыми ягодами, а следом — засахаренные южные фиги на тончайших пластинках колотого горного льда.

Герцогиня Виктория почти не притрагивалась к еде. Ее костяной веер с росписью из серебряных павлинов нервно трепетал в тонких пальцах, подобно крыльям раненой птицы. Каждый раз, когда ее водянистые глаза случайно падали на меня, по ее губам пробегала судорога неприкрытой ненависти. Мать сломала ее светскую ловушку, а я — десятилетняя девочка из пограничья — нанесла сокрушительный удар

по ее фамильной гордыне. Такие женщины, как Виктория де Гранвиль, не забывали унижений. Они вынашивали месть годами, укутывая ее в ядовитый бархат столичных сплетен.

Внезапно сквозь мерный гул мужского разговора раздался негромкий, чистый голос Дамиана: — Леди Ариадна.

Я медленно опустила десертную ложечку и подняла взгляд.

Двенадцатилетний лорд сидел, чуть наклонив голову, и в его янтарно-серых глазах больше не было прежней ледяной брони. Там плясали острые, колючие искры неподдельного любопытства.

— Скажите, — его голос звучал ровно, с тем безупречным столичным акцентом, который дается лишь с рождения, но в нем слышалась скрытая насмешливая проверка, — если вы с таким тщанием штудировали «Хроники Первых Рубежей», вам наверняка известен параграф об обороне Каменного Узла. Что, по вашему мнению, предпринял бы герцог Альбрехт, окажись он отрезан от столицы превосходящими силами мятежников?

Отец на мгновение осекся, замолчав на полуслове. Мама замерла с кубком в руке. Великий Герцог прищурился, явно забавляясь дерзкой инициативой сына. Дамиан бросал мне не просто светский вызов — он проверял, действительно ли я понимаю суть прочитанного, или просто заучила наизусть красивую фразу деда, чтобы блеснуть за столом.

Я не отвела взгляда. Мои губы тронула легкая, едва замет-

ная полуулыбка.

— Герцог Альбрехт никогда не оборонял бы Каменный Узел изнутри крепостных стен, милорд Дамиан, — ответила я, глядя ему прямо в зрачки. — Он открыл бы шлюзы верхней плотины. Он утопил бы долину вместе с осадными орудиями врага, заставив их захлебнуться в собственной грязи, а сам ударил бы конницей с северных холмов во фланг. Ведь подлинная сила кроется не в высоте гранитных стен, а в умении подчинить себе стихию и обернуть саму природу против тех, кто посмел нарушить границы.

Дамиан замер.

На долю секунды в глубине его глаз промелькнуло нечто, похожее на ошеломление. Он медленно положил ладонь на край стола, и грани его фамильного перстня с грифоном тихо звякнули о мрамор.

— Подчинить стихию... — негромко повторил он, смакуя мои слова, словно терпкое вино. На его точеных скулах на мгновение проступили желваки. — Любопытная тактика для юной леди. Жестокая. Но безупречно верная.

— Довольно, Дамиан, — холодно оборвала его герцогиня Виктория, с глухим щелчком захлопнув свой веер. — За столом не место рассуждениям о грязи, плотинах и утопленниках. Мы сыты. Валериан, я полагаю, церемонию приветствия можно считать оконченной?

Великий Герцог не спеша допил вино, промокнул губы салфеткой и поднялся во весь свой исполинский рост.

— Вы правы, дорогая, — гулко произнес он. — Наши гости устали после тяжелого пути. Барон Альфред, завтра в полдень я жду вас в Малом арсенале. Мы детально обсудим поставки железа и фуража для ваших пограничных полков.

Отец и мама синхронно поднялись, совершив положенные протоколом поклоны.

Я встала следом, расправив складки темно-синего шелка. Дамиан обошел стол и приблизился ко мне.

По правилам высшего этикета жених был обязан проводить нареченную невесту до дверей банкетного зала. Он остановился в полушаге от меня. От него пахло свежим ночным дождем, чистым льняным батистом и тонким, горьковатым ароматом оружейной стали. Для двенадцати лет он был на целую голову выше меня, широкоплеч и строг, но я заставила себя смотреть ему прямо в переносицу, не опуская подбородка.

Дамиан протянул руку в тонкой шелковой перчатке. Я вложила свои пальчики в его ладонь.

Его хватка оказалась неожиданно твердой, почти собственнической. Сквозь ткань перчатки я ощутила жесткие, сухие мозоли на его ладони — следы тысяч часов изнурительных тренировок с боевым мечом. Этот мальчик знал цену боли ничуть не меньше моего отца.

Он плавно склонил голову и коснулся губами тыльной стороны моей кисти. Прикосновение было мимолетным, сухим и обжигающе холодным. Но прежде чем отпустить мою

руку, он чуть подался вперед, и его тихий, сдавленный шепот обжег мое ухо так, что никто из взрослых не смог разобрать ни единого звука:

— Спите чутко, маленькая волчица. В этой цитадели стены имеют уши, а тени — клыки. Моя мачеха не простит вам сегодняшнего триумфа.

Я не вздрогнула. Лишь чуть крепче сжала его пальцы в ответ, отпустив их ровно за мгновение до того, как это могло показаться неприличным.

— Я умею ходить в темноте, милорд Дамиан, — так же тихо, одними губами ответила я.

Мы вышли из банкетного зала под конвоем молчаливых гвардейцев.

Дорога обратно в Восточное крыло казалась бесконечной. Но как только тяжелая дубовая дверь наших гостевых покоев с глухим стуком захлопнулась, отрезав нас от чужих глаз и ушей, воздух в комнате буквально взорвался.

— Ха-ха-ха! Гром и молния! — отец сорвал с шеи ненавистный кружевной жабо, швырнул его на кресло и одним мощным движением подхватил меня под мышки, закружив по комнате в неистовом, безудержном восторге. — Ты видела ее, Элиза?! Видела эту надутую северную индюшку?! Клянусь всеми богами войны, она побелела, как мешок с ячменной мукой!

— Альфред, тише, ради всего святого! — шикнула мама, но на ее собственных губах играла торжествующая, хищная

улыбка. Она быстро подошла к дверям, проверила засов и приложила ухо к замочной скважине, убеждаясь, что в коридоре нет соглядатаев. — Здесь каждый камень может оказаться доносчиком! Опустить девочку на пол, ты сомнешь ей корсаж.

Отец бережно поставил меня на ноги, опустился на одно колено, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, и сжал мои плечи своими огромными, теплыми ладонями. В его взгляде стояли слезы гордости.

— Аля... доченька... — его голос дрогнул. — Я в жизни не слышал ничего прекраснее. Ты разбила эту надменную гарпию в прах ее же собственным фамильным уставом! Ты защитила честь нашего дома лучше, чем целая рота моих лучших рубак с обнаженными палашами!

— Она защитила нас сегодня, Альфред, — тихо, с ледяной серьезностью произнесла мама, подходя к трюмо и снимая с волос сапфировые шпильки. — Но завтра начнется настоящая война.

Отец нахмурился, поднимаясь с колен: — О чем ты, Элиза? Герцог Валериан был в восторге. Он лично пожал мне руку!

— Валериан — солдат и политик. Он видит в нашем союзе бастион против мятежников, — мама повернулась к нам, ее лицо снова стало непроницаемо строгим. — Но Виктория... Виктория де Гранвиль происходит из рода Морват. Этот клан никогда не забывает обид. Ты заставила ее замол-

чать перед слугами и мужем, Аля. Это смертельный грех в глазах столичной аристократии. Виктория не посмеет открыто пойти против воли супруга, но у нее есть свои рычаги. Завтра утром весь высший свет узнает о нашем приезде в самом черном, самом ядовитом свете. Тебя попытаются уничтожить чужими руками — через дочерей знати, через отказ принять в столичные пансионы, через поддельные сплетни. Будьте готовы к тому, что земля под нашими ногами начнет гореть.

— Пусть только попробуют, — глухо рыкнул отец, непроизвольно потянувшись к пустому бедру, где должен был висеть палаш. — Я вышвырну любого щеголя из окна, если он посмеет косо взглянуть на мою дочь.

— Мечом сплетни не рубят, мой благородный медведь, — мама печально и нежно коснулась его щеки. — Сплетни растворяют в кислоте еще более изощренной вежливости. А теперь — спать. Ночь будет долгой, а завтра нам предстоит первое официальное представление столичному совету.

Родители ушли в смежную опочивальню. Я осталась одна в отведенной мне малой спальне.

Здесь царил полумрак. Единственная восковая свеча в серебряном подсвечнике отбрасывала длинные, пляшущие тени на серые каменные стены. Я подошла к ширме, с мучительным облегчением распустила тугие шелковые шнуры корсажа и сбросила тяжелое платье. Тонкая льняная ночная сорочка коснулась разгоряченной кожи прохладным, неве-

сомым облаком.

Я подошла к высокому стрельчатому окну.

Снаружи бушевал осенний ливень. Ледяные потоки воды сплошной стеной хлестали по каменным карнизам цитадели. Я прижалась разгоряченным лбом к холодному свинцовому переплету рамы и закрыла глаза.

Внутри меня гудело остаточное напряжение минувшего вечера. Сердце все еще билось с перебоями, пальцы мелко подрагивали.

Я протянула руку вперед, едва коснувшись кончиками пальцев оконного стекла.

— Тише... — едва слышно прошептала я в темноту. — Будь со мной.

Вода снаружи мгновенно отозвалась.

Сотни тяжелых капель, разбивавшихся о стекло, вдруг перестали стекать вниз. Они замерли, дрожа на внешней стороне рамы, словно стоя послушных светлячков. Я повела ладонью вправо — и вода за стеклом послушно последовала за моим пальцем, собираясь в причудливые, текучие спирали. Я ощущала каждую каплю. Ощущала ее холодную, текучую плотность, ее первобытную чистоту, не знающую лжи и притворства.

Стихия омывала мою уставшую душу, смывая налипшую за вечер столичную фальшь. Я глубоко выдохнула, чувствуя, как холод воды остужает пульсирующие виски. Я была сильной. Пока в моих жилах текла эта сила, ни одна герцогиня в

мире не смогла бы сломать мою семью.

Вдруг резкий, сухой металлический звук заставил меня оборвать концентрацию.

Щелк.

Капли за стеклом мгновенно потеряли форму и с глухим шлепком стекли вниз грязными ручьями. Я отпрянула от окна, затаив дыхание. Моя рука инстинктивно скользнула к поясу, где под складками сорочки лежал тонкий перочинный ножик с костяной рукоятью.

Звук донесся не из коридора. Он раздался с подоконника. Между тяжелой каменной рамой и нижней створкой окна что-то темнело. Нечто, чего не было там пять минут назад.

Я замерла, вглядываясь в полумрак. Сердце глухо колотилось о ребра. Кто мог подобраться к окну гостевых покоев на четвертом ярусе отвесной гранитной башни?! За окном была лишь стофутовая пропасть и скользкий карниз шириной в полторы ладони, заливаемый ледяным ливнем!

Я бесшумно шагнула вперед, сжимая в кулаке рукоять ножа.

На узком каменном подоконнике лежал сложенный вчетверо плотный лист вощеного пергамента. Он был сухим, несмотря на дождь за стеклом, и придавлен к камню тяжелым металлическим предметом, чтобы порыв ветра не унес его в бездну.

Дрожащими пальцами я протянула руку и взяла этот предмет.

Металл обжег пальцы тяжелым, густым холодом. Это была массивная запонка из темного полированного серебра. На ее лицевой грани был выбит оскаленный грифон, сжимающий в когтях сломанную молнию.

Личный знак наследника Великого Герцогства. Запонка Дамиана де Гранвиля.

Мое дыхание перехватило.

Я развернула вощенный пергамент. На нем не было гербовой печати, не было витиеватых придворных обращений. Строки были начертаны твердой, резкой рукой, привыкшей держать тяжелое перо так же уверенно, как и рукоять боевого клинка. Чернила пахли свежим железом и сосновой смолой.

«Герцогиня не ждет утра. Час назад ее тайный курьер выехал из цитадели к графине Морват. Завтра на рассвете Малый совет знатных дам подпишет прошение об отказе принять тебя в Императорский пансион благородных воспитанниц под предлогом “неподтвержденной родословной”. Твой род хотят растоптать шепотом до того, как отец успеет получить аудиенцию у императора.

Если ты действительно та, за кого себя выдаешь, и не желаешь быть слепой пешкой в чужой бойне — спустись по винтовой лестнице в Зимний сад через полчаса после полуночи.

Стражи на нижнем ярусе не будет. Свечей не зажигай. Тени этой цитадели принадлежат мне.

— Д.»

Я перечитала короткие, бьющие наотмашь строки трижды.

Затем медленно сжала серебряную запонку в кулаке, ощутив, как острые когти выбитого на ней грифона больно впи-
ваются в кожу ладони.

Опасная ловушка? Или единственная протянутая рука в этом змеином логове?

Я посмотрела на стрелки старинных напольных часов в углу спальни. Маятник мерно отсчитывал секунды в тишине. До полуночи оставалось ровно двадцать минут.

На моих губах медленно расцвела холодная, хищная улыбка.

Я спрятала записку в карман, взяла темный шерстяной плащ и бесшумно шагнула к двери. Волчонок принял приглашение на ночную охоту.

ГЛАВА 3. СДЕЛКА ПРИ СВЕЧАХ

Маятник старинных напольных часов в углу спальни отмерял секунды с безжалостной, монотонной отчетливостью.

Каждый металлический щелчок отдавался в моих висках коротким, холодным ударом. Пробило полночь. Затем минуло еще двадцать минут. Свеча на ореховом столике давно догорела, оставив после себя лишь горьковатый дымок и оплывший холмик серого воска. В комнате царил густой, вязкий полумрак, разбавляемый лишь мутными сполохами далеких зарниц за мокрым оконным стеклом.

Я сидела на краю постели, не снимая темных шерстяных чулок и мягких дорожных туфель из тонкой оленьей кожи, не издававших ни звука при ходьбе. В правой ладони я до боли сжимала тяжелую серебряную запонку Дамиана.

Грифон, выбитый на металле, казался живым. Его чеканные когти впивались мне в кожу, напоминая о том, где именно я нахожусь. В логове древнейшего клана империи. Среди людей, для которых человеческая жизнь стоила дешевле вышитого кружевом носового платка.

«Это ловушка, — шептал мне рассудок, холодный и трезвый, отточенный годами материнских уроков. — Это очевидный, примитивный капкан герцогини Виктории».

Я закрыла глаза, мысленно раскладывая ходы на невидимой доске. Что произойдет, если я спущусь? Меня встре-

тит не двенадцатилетний жених, а начальник ночной стражи с факелами и тремя понятыми. Десятилетняя дочь барона, пойманная посреди ночи в потайных переходах цитадели. Непристойность. Нарушение священных законов гостеприимства. Скандал, который позволит герцогине уже к утреннему чаю вышвырнуть нас из замка с таким позором, что ни один дворянский дом столицы больше не откроет перед отцом дверей.

Но что произойдет, если я останусь?

Если записка подлинная, курьер Виктории уже мчит сквозь ночной ливень к особняку графини Морват. Завтра на рассвете Совет благородных дам наложит вето на мое поступление в столичный пансион. Нас не выгонят открыто — нас просто медленно, методично удушат в шелках и сплетнях, выставив отца неотёсанным солдатом, чья дочь не годится даже для того, чтобы сидеть на задней скамье столичного класса.

Пассивность при дворе была медленным самоубийством. Тот, кто прячется за запертой дверью, всегда становится жертвой того, кто держит в руках ключ.

— Если это капкан, — прошептала я в темноту, медленно разжимая сведенные судорогой пальцы, — я должна увидеть лицо того, кто спустит курок.

Я встала. Движения мои были плавными, безупречно веренными.

Поверх тонкой льняной ночной сорочки я накинула глу-

хой дорожный плащ из плотного темно-серого сукна с глубоким капюшоном. В правый рукав, под манжету, я привычным жестом сунула тонкий перочинный нож. Его узкое, бритвенно-острое лезвие из закаленной шедфилдской стали было не длиннее четырех дюймов, но в темноте и на короткой дистанции этого было более чем достаточно, чтобы достать до сонной артерии или перерезать сухожилие.

Подойдя к тяжелой дубовой двери, отделявшей мою спальню от гостиной родителей, я замерла, приложив ухо к холодному дереву.

Из глубины покоев доносилось тяжелое, мерное дыхание отца. После двух недель изнурительной дороги в седле барон спал глубоким, богатырским сном воина, не знающего бессонницы. Мама дышала неслышно, но я знала: если скрипнет хоть одна половица, ее ярко-голубые глаза распахнутся в ту же секунду.

Я повернулась к узкой боковой створке, замаскированной под книжный шкаф.

В записке Дамиана говорилось о старой винтовой лестнице для прислуги, вход на которую находился в нише за гобеленом с изображением осады Валь-Рейна. Я нащупала пальцами железное кольцо, скрытое за пыльной шерстью старинного полотна.

Сердце глухо толкнулось в ребра. Я осторожно потянула кольцо на себя.

Дверь подалась без единого звука. Петли были густо и све-

жо смазаны оружейным салом — Дамиан действительно готовился к этой ночи.

В лицо мне пахнуло сырым, промозглым сквозняком, пахнущим вековой известью, мышиным пометом и холодной пылью. Я переступила порог и прикрыла створку за собой, оставив крошечный зазор шириной в ноготь, чтобы замок не защелкнулся намертво.

Темнота здесь была абсолютной. Ни единого луча света, ни единого проблеска.

Я опустила капюшон на самые глаза, коснулась кончиками пальцев левой руки шершавой, осыпающейся каменной кладки и сделала первый шаг вниз.

Ступени были узкими, крутыми и стертыми посередине десятками поколений слуг. Я спускалась медленно, наступая на внешние края плит, где камень был ровнее, и переноса вес тела плавно, от носка к пятке. Каждый шорох собственного дыхания казался мне оглушительным раскатом грома.

Где-то далеко внизу мерно и гулко капала вода.

Кап. Кап. Кап.

Звук падающих капель действовал на меня странно. Вместо паники он приносил холодную, кристальную сосредоточенность. С каждым десятком ступеней я ощущала, как воздух вокруг становится все более влажным, напиваясь тяжелым озоновым духом грозы. Вода просачивалась сквозь вековые гранитные швы замка, стекала по внешним бастиянам, струилась по водостокам. Она была повсюду вокруг ме-

ня — гигантская, спящая масса стихии, готовая в любой миг откликнуться на мой зов.

На третьем витке лестницы я замерла. Впереди, в арочном проеме нижнего яруса, мерцал едва заметный сизый полусвет.

Ни звука шагов. Ни бряцания лат. Ни кашля часовых.

Пост у основания башни действительно пустовал. Два тяжелых кованых стула для гвардейцев стояли пустыми возле потухшей жаровни, на полу сиротливо валялся оброненный игровой кубик из слоновой кости.

Я не испытала облегчения. Напротив, ледяной холодок подозрения сжался на моем затылке тугим узлом.

Дамиану де Гранвилю было всего двенадцать лет. Даже с учетом его титула единственного наследника, снять ночной караул в личной цитадели отца без ведома коменданта крепости было неслыханной, почти невозможной дерзостью. Это означало одно из двух: либо мальчишка уже обладал в замке тайной, неподконтрольной родителям властью... либо Великий Герцог прекрасно знал об этой вылазке и наблюдал за ней из темноты.

Я перехватила рукоять ножа в рукаве так, чтобы лезвие легло вдоль предплечья, и скользнула мимо пустых постов к массивным бронзовым дверям, украшенным литым орнаментом из переплетенных лоз и змеиных голов.

Створка была приоткрыта на ширину ладони. Я протиснулась внутрь и замерла, растворившись в густой тени.

Зимний сад Цитадели Гранвилей ошеломлял своей мрачной, чудовищной роскошью.

Это был колоссальный оранжерейный чертог, накрытый грандиозным сводчатым куполом из толстого граненого стекла на ажурных чугунных ребрах. Снаружи бушевала осенняя буря: тяжелые потоки ливня с глухим ревом молотили по стеклу над головой, струи воды размывали очертания ночного неба, а редкие вспышки молний на долю секунды озаряли залу мертвенно-бледным, призрачным светом.

Воздух здесь был горячим, плотным и влажным, словно в тропическом болоте. Он был напоен густым, почти осязаемым ароматом прелой земли, гниющих папоротников и цветущего ночного жасмина. Но сквозь эту сладость отчетливо пробивался другой запах — горький, тревожный дух белых олеандров, чьи пышные ядовитые гроздья свисали с каменных арок.

Вдоль мощеных черным сланцем дорожек высились исполинские реликтовые древовидные папоротники и веерные пальмы, привезенные из покоренных южных колоний. Их огромные резные листья отбрасывали на землю причудливые, хищные тени, шевелящиеся от малейшего дуновения теплого сквозняка.

А в самом центре сада, окруженный кольцом невысоких каменных скамей, покоился широкий восьмиугольный бассейн из темного серпентина.

Вода в нем была неподвижной, гладкой, словно полиро-

ванное зеркало из черного обсидиана. В ее глубине не отражались свечи — лишь холодные всполохи грозового неба над куполом.

Я сделала три бесшумных шага вперед и мгновенно прижалась спиной к широкому стволу замшелой гранитной колонны. Открытое пространство было смертью. Я зафиксировала взглядом выходы: узкая бронзовая дверь позади меня, арочный проход в глубине галереи, ведущий к оранжереям цитрусовых, и глухая стена справа.

— Ты опоздала на четыре минуты, леди Ариадна, — раздался тихий, ледяной голос прямо из тени за моей спиной.

Я не успела обернуться.

Холодная, узкая полоса стали скользнула из мрака и замерла в полудюйме от моей сонной артерии.

Прикосновение лезвия обожгло кожу сухим, смертоносным холодом. Я почувствовала затылком чужое дыхание — ровное, спокойное, пахнущее горькой мятой и ночным дождем. Мальчишка стоял вплотную, используя тень колонны так же искусно, как опытный лазутчик на поле боя. Он проверял меня. Он ждал панического вскрика, судорожной попытки вырваться, слез или мольбы о пощаде.

Я не вскрикнула. Мое тело среагировало быстрее, чем успел оформиться страх.

Вместо того чтобы дернуться назад, прямо на лезвие, я чуть сместила подбородок влево, одновременно сделав короткий, молниеносный шаг вправо, прижимаясь плечом к

его груди. Моя правая рука вылетела из складки плаща. Стальное лезвие моего перочинного ножа глухо щелкнуло, раскрывшись в полумраке, и с силой уперлось сквозь ткань его шерстяного колета точно между девятым и десятым ребром — прямо напротив левого желудочка сердца.

Мы замерли.

Время в Зимнем саду словно остановилось. Над нашими головами глухо ревел ливень, разбиваясь о стекло купола. Тонкая сталь его кинжала щекотала мою шею. Острие моего ножа давило ему в грудь, готовое пробить ткань при малейшем нажатии.

Я медленно скосила глаза вбок.

Дамиан де Гранвиль стоял в полушаге от меня. На нем не было парадного бархата — лишь простой темно-серый шерстяной колет без гербов, узкие штаны и мягкие сапоги для фехтования. Его темные волосы были слегка растрепаны ветром.

Наши глаза встретились в полумраке на расстоянии четырех дюймов. Его янтарно-серые зрачки были расширены, в них не было детского испуга, но я отчетливо видела, как в них вспыхнуло острое, холодное изумление.

— Еще один дюйм стали у моей шеи, милорд, — мой голос прозвучал едва слышным, свистящим шепотом, но каждое слово падало с тяжестью свинцовой пули, — и лезвие в моем кулаке войдет вам под ребра на всю длину. А крик в этом саду разбудит весь гарнизон донжона. Посмотрим, как

вы объясните отцу визит к нареченной невесте с обнаженным клинком посреди ночи.

Губы Дамиана дрогнули. Медленно, с убийственной неторопливостью, на его лице расцвела кривая, жесткая усмешка.

— Реакция неплохая, — негромко произнес он, не убирая клинка, но ослабив давление на мою кожу. — Большинство столичных дур на твоём месте уже валялись бы в обмороке среди олеандров.

— Я не столичная дура, Дамиан, — отчеканила я, надавив острием ножа чуть сильнее, так что ткань его колета натянулась с сухим треском. — Считаю до одного. Убери железо.

Две секунды мы буравили друг друга взглядами, измеряя глубину чужой решимости. Ни один из нас не моргнул. В этом молчаливом поединке воля не было места уступкам — здесь решалось, кто станет хозяином положения на следующие годы.

Дамиан плавно, без резких движений, отвел кинжал от моего горла и с глухим щелчком вогнал его в ножны из черной кожи на поясе.

— Твой ход, — сухо бросил он.

Я опустила руку, но не спрятала нож, оставив его зажатым в кулаке у бедра, наполовину скрытым складками плаща. Я сделала два шага назад, увеличив дистанцию до безопасных пяти футов, и встала боком, держа в поле зрения и его фигуру, и темную гладь бассейна позади.

— Зачем ты позвал меня сюда? — спросила я, и мой голос звучал холодно, как лед на пограничной реке. — Если это глупая мальчишеская попытка доказать собственное превосходство — я возвращаюсь в покои. У меня нет времени на детские игры в войну.

Дамиан оперся плечом о гранитную колонну, скрестив руки на груди. В неверном свете зарниц его фигура казалась темным монолитом.

— Если бы я хотел доказать превосходство, Ариадна, я привел бы сюда стражу герцогини, — ровно ответил он. — И завтра утром твой отец уже седлал бы коней для обратной дороги в вашу болотную усадьбу, покрытый несмываемым позором.

— Тогда говори. Без загадок и без угроз.

Дамиан чуть наклонил голову, и его серо-стальные глаза хищно сузились: — Мачеха не простила тебе ужина. Ты унизила ее перед слугами, процитировав кодекс Альбрехта Гранвиля. Такие удары в нашем доме не забывают. Виктория де Гранвиль происходит из рода Морват. А Морваты не вступают в открытый бой, если могут перерезать подпруги чужой лошади перед обрывом.

— Это я поняла еще за столом, — холодно парировала я. — Что конкретно она задумала?

— Полчаса назад из цитадели выехал конный гонец с письмом к графине Олимпии Морват, председательнице Высшего Женского Сената, — Дамиан говорил быстро, от-

рывисто, с безжалостной военной четкостью. — Завтра в десять утра собирается Малый совет знатных дам столицы. Они должны были официально утвердить твоё зачисление в Императорский пансион благородных воспитанниц — единственный путь для девушки твоего возраста получить доступ ко двору и быть представленной императрице.

Он сделал паузу, вглядываясь в моё лицо: — Совет дам вынесет вердикт: отказать в прошении. Под предлогом того, что дворянство рода Нотлайт получено менее двух поколений назад, а значит, является «неподтвержденным для высшего круга».

Слова Дамиана упали тяжелыми камнями.

Внутри меня всё похолодело. Это был сокрушительный, смертоносный удар. Без статуса воспитанницы пансиона меня не допустят ни к одному императорскому приему. Я останусь запертой в четырех стенах, не имея права появляться в свете рядом с женихом. А столичное дворянство воспримет это однозначно: род Нотлайт признан нечистокровным плебейским отребьем, недостойным даже порога благородных залов. Помолвка превратится в фикцию, которую через полгода расторгнут за «несоответствие статусу».

Я медленно сжала кулак. Внутри меня закипала глухая, темная ярость, но лицо оставалось фарфоровой маской.

— И ты пришел предупредить меня из чистой жалости? — мой голос сочился ядом. — Наследник Великого Герцогства внезапно проникся сочувствием к провинциальной си-

роте и решил пойти против мачехи?

Дамиан тихо, презрительно усмехнулся: — Не говори глупостей, Ариадна. Я не верю в жалость. В нашем роду тех, кто поддается жалости, скармливают псам еще в колыбели.

Он оттолкнулся от колонны и сделал шаг ко мне. Я не отступила, крепче перехватив рукоять ножа.

— Мачеха и ее клан Морватов спят и видят, как превратить меня в послушную марионетку, — в голосе двенадцатилетнего мальчика зазвучала тяжелая, взрослая сталь, от которой у меня по спине побежали мурашки. — Они хотят женить меня на сопливой кузине из северных домов. На безвольной дуре, чьими руками ее дядюшки будут управлять армией и казной Гранвилей, когда мой отец сложит голову в грядущей войне. Им не нужен союз с твоим отцом. Им не нужен союзник, спасший тридцать тысяч солдат при Черном Броде, и его закаленный ветеранский полк, верный императору. Они хотят слабины в броне нашего дома.

Он остановился в трех шагах от меня, вперив в мои глаза тяжелый, горящий взгляд: — А мне не нужна марионетка Морватов в постели и за спиной. Мне не нужна столичная кукла, которая при первом же выстреле побежит доносить мачехе или прятаться под перину. Мне нужен союзник. Тот, кто умеет держать удар и хладнокровно разить тех, кто пытается набросить ошейник. Сегодня за столом я увидел, как ты держишь удар. Ты раскатала Викторию в пыль тремя фразами. И я решил: я не позволю им сломать этот союз.

Тишина снова повисла между нами, нарушаемая лишь грохотом осенней бури за стеклом.

Я смотрела на мальчика напротив меня и впервые осознала весь масштаб той бездны, в которую нас затянуло. Двенадцать лет. Ему было всего двенадцать лет, но за его плечами уже стояли яды, заговоры и холодный, беспощадный расчет правителя, готового перешагнуть через ненавистную мачеху ради сохранения власти своего рода.

Он не был моим другом. Он не был благородным рыцарем из детских сказок.

Он был сыном Великого Герцога. И он искал не любовь — он искал оружие.

Позади меня темнела неподвижная гладь серпентинового бассейна. Влажный воздух оранжереи охлаждал шею, кончики пальцев левой руки покалывало от близости спящей массы воды. Если бы этот мальчишка сейчас дернулся, если бы попытался позвать засаду — я бы не раздумывала. Одного мысленного импульса хватило бы, чтобы поднять волну со дна чаши, сбить его с ног и всадить сталь между ребер прежде, чем он успеет издать хоть звук. Но Дамиан стоял неподвижно, не делая попыток сократить дистанцию. Он ждал. Он считывал каждую мою микроэмоцию с тем же ледяным терпением, с каким выжидают хищные птицы в скалах.

— Допустим, я тебе верю, — негромко произнесла я, не ослабляя хватки на ноже. — Но если курьер уже ускакал, что

ты предлагаешь? Перехватить его на тракте и зарезать?

— Слишком шумно, — отрезал Дамиан. — И это оставит следы, ведущие ко мне. У нас есть другое оружие. Закон и спесь.

Он полез за пазуху своего колета и извлек на свет небольшой, тяжелый предмет, завернутый в темный шелк. Развернув ткань, он протянул его мне на ладони.

В полумраке блеснул холодный металлический кругляк из черненого серебра. На нем был выбит вензель: скрещенные скипетры и корона Первых Хранителей, окаймленные древней имперской вязью.

Личная печать Верховного Судии Империи. Знак, дававший право абсолютного вето на любые решения сословных советов.

— Завтра утром ты не будешь просить Совет дам о милости, — тихо, со злобещей уверенностью произнес Дамиан. — Ты войдешь в их залу и положишь этот свиток на стол графини Морват. И тогда охотники сами превратятся в дичь.

Я посмотрела на металлический кругляк в его руке, и в моих глазах вспыхнул острый, колющий огонек.

Влажный воздух оранжереи охлаждал шею, где еще мгновение назад покоилось лезвие его клинка. Ливень над куполом ревел глухим, яростным водопадом, но здесь, в полумраке среди гигантских папоротников, каждое произнесенное слово звенело с отчетливостью натянутой тетивы.

— Печать Верховного Судии... — медленно произнесла

я, не спеша протягивать руку. — Личный знак твоего отца. Знак, который хранится в стальном сейфе Малого арсенала за тремя коваными замками. Откуда он у тебя, Дамиан? Ты украл его?

Дамиан даже не моргнул. В его холодных стальных глазах промелькнула едва уловимая насмешка: — Украсть у Великого Герцога Валериана? В этой крепости нельзя украсть даже огарок свечи, если отец не позволит этому случиться.

— Значит, он знает? — я шагнула чуть ближе, вглядываясь в его жесткое лицо. — Твой отец знает, что ты стоишь здесь посреди ночи и передаешь мне государственную печать?

— Мой отец — стратег, Ариадна, — Дамиан опустил руку, сжав шелк с печатью в кулаке. — Он ведет войну на десяти досках одновременно. Он прекрасно видит, как Виктория пытается сколотить коалицию с северными домами за его спиной. Но открыто осадить собственную супругу и клан Морватов — значит спровоцировать раскол в Сенате прямо сейчас, до того, как пограничные легионы твоего отца займут Редфордский рубеж. Отец не может вмешаться сам. Но он оставил ключ на столе в своем кабинете.

Мои губы тронула холодная, горькая усмешка. — Как удобно. Если мы победим — Великий Герцог сохранит союз с моим отцом и осадит спесь жены чужими руками. Если нас поймают — он объявит, что сопливый мальчишка и провинциальная девчонка украли печать, и с легким сердцем отдаст

нас на растерзание Совету дам. Твой отец играет нами, как деревянными солдатами на карте.

— Добро пожаловать в дом Гранвиль, — сухо парировал Дамиан. — Здесь все играют всеми. Вопрос лишь в том, кем ты хочешь быть: фигурой, которая двигается сама, или пешкой, которую сметут с доски в первый же ход.

Я молчала, взвешивая каждое его слово на внутренних аптекарских весах.

В его словах не было лжи — была лишь та страшная, кристально чистая правда, которой пропитаны стены древних цитаделей. Он не пытался казаться благородным защитником. Он предлагал сделку. Кровавую, опасную, пахнущую государственной изменой сделку на краю пропасти.

— Что в свитке? — спросила я.

Дамиан развернул плотный лист пергамента, с которого свисали тяжелые шелковые шнуры.

— Выписка из Тайного Реестра Коронных Грамот, заверенная личной подписью государя три года назад, — зашептал он, и в его голосе зазвучали нотки хищного торжества. — Когда твой отец вывел полки из котла при Черном Броде, император пожаловал ему не просто баронский титул. Он восстановил древний патент рода Нотлайт-Шанталь, присвоив вашему дому ранг «Потомственных Защитников Короны первой степени».

Я затаила дыхание.

— Виктория и графиня Морват рассчитывают, что у тво-

его отца на руках лишь простая армейская грамота с гербовой печатью пограничного генерала, — продолжал Дамиан, глядя мне прямо в зрачки. — Завтра в десять утра на Совете дам графиня Морват поднимет архивный кодекс и заявит, что баронство Нотлайт существует менее полувека, а посему его дочь не имеет права переступить порог Императорского пансиона. Все благородные дамы единогласно проголосуют за отказ. Они уже заготовили язвительные речи и бокалы с шампанским, чтобы отпраздновать наше унижение.

— А затем?

— А затем в залу войдешь ты, — Дамиан протянул мне свиток. — В сопровождении герольда Великого Герцога. Ты положишь этот документ на стол графини Морват. Статус «Потомственных Защитников Короны» дает право первоочередного зачисления в пансион без голосования Совета. Более того: любая попытка оспорить этот статус приравнивается к оскорблению личного указа императора. Олимпия Морват будет вынуждена собственноручно вписать твое имя золотыми чернилами во главу списка воспитанниц. На глазах у половины столичной знати.

Я посмотрела на свиток. Внутри меня все звенело, как натянутая струна арфы. Это был идеальный, смертоносный контрудар. Он не просто спасал мою репутацию — он публично ломал хребет столичной оппозиции, превращая их срежиссированный триумф в позорное поражение.

Но я не протянула руку.

Я заложила ладони за спину, гордо вскинув подбородок. Мой взгляд, ледяной и пронзительный, впился в лицо Дамиана.

— План безупречен, милорд. Но у меня есть условия.

Дамиан нахмурился, его брови сошлись на переносице: — Условия? Ты в своем уме, Ариадна? Я спасаю твой род от публичного позора, а ты смеешь торговаться?

— Ты спасаешь не мой род, Дамиан, — мой голос был тихим, но в нем хлестнула сталь. — Ты спасаешь собственную шкуру от брака с безвольной кузиной Морватов. Ты используешь меня как таран, чтобы пробить брешь в обороне герцогини. И если я иду на этот эшафот — я иду на своих условиях.

Он замер, уставившись на меня с мрачным, тяжелым удивлением. Я видела, как в его грозových серых глазах вспыхнуло яростное пламя уязвленной гордости: двенадцатилетний наследник величайшего герцогства не привык, чтобы десятилетняя девочка диктовала ему правила.

— Слушаю, — процедил он сквозь зубы.

— Первое, — я сделала шаг вперед, сократив дистанцию до двух шагов. — До полудня твой отец подпишет указ о первоочередных поставках пяти сотен кованых кирас и обоза с мукой для пограничных гарнизонов баронства Нотлайт. Без столичных пошлин и без проволочек со стороны интендантства. Мой отец не должен стать заложником вашей блокады.

Дамиан коротко кивнул: — Отец уже дал предварительное

согласие. Железо уйдет на запад в конце недели. Дальше?

— Второе, — я прищурилась, не сводя с него глаз. — Информация. Твоя личная разведывательная сеть в цитадели.

Мальчик напрягся всем телом, его рука на эфесе кинжала инстинктивно сжалась. — Откуда ты...

— Я видела пустые посты на винтовой лестнице, Дамиан, — холодно перебила я его. — Снять ночной караул в замке Гранвилей может либо комендант, либо человек, у которого есть свои уши среди низших чинов. Мне нужны имена. Кто в свите герцогини доносит графине Морват? Кто из лакеев наливает вино за столом моего отца? Я не намерена гадать, из какого бокала мне подадут яд на следующем приеме.

Дамиан смотрел на меня так, словно перед ним стояло привидение. Медленно, очень медленно на его губах появилась тень настоящего, неподдельного уважения — темного, холодного, лишённого детской наивности.

— А ты действительно волчонок с зубами, Ариадна Нотлайт, — негромко произнес он, и в его голосе впервые не было насмешки.

— И последнее, Дамиан, — я проигнорировала его выпад, глядя ему прямо в душу. — Запомни это крепко. Если завтра окажется, что этот свиток — искусная подделка, а у дверей зала меня будут ждать дознаватели инквизиции... Я не стану молчать. Я назову твое имя первым. И я приложу все силы, чтобы утянуть тебя на дно вместе с собой. Мы либо побеждаем вместе, либо ты сгоришь рядом со мной.

Две секунды в оранжерее стояла тишина, нарушаемая лишь глухим стуком дождевых капель о стекло.

Затем Дамиан полез в карман своего шерстяного колета и достал небольшой предмет из темной меди.

Это был крошечный походный фонарь с раздвижными шторками из слюды. Он щелкнул кресалом, высек искру, и внутри фонаря занялся ровный, теплый огонек единственной восковой свечи. Тусклый золотистый свет озарил пространство вокруг нас, отбросив на замшелые гранитные колонны и темную гладь бассейна две длинные, пляшущие тени.

При свете этой свечи лицо Дамиана казалось старше на десять лет: резкие тени под скулами, плотно сжатые тонкие губы, глаза цвета расплавленного янтаря.

— Я принимаю твои условия, — тихо произнес он.

Он протянул мне свиток с черненой серебряной печатью. Я взяла его кончиками пальцев. Пергамент был прохладным, тяжелым, с легким запахом сургуча и сухого лавандового порошка, которым пересыпали государственные архивы.

Затем Дамиан разжал левую ладонь. На ней лежала вторая серебряная запонка с оскаленным грифоном — точная пара к той, которую он оставил на подоконнике моей спальни.

— Запонки останутся у тебя, — сказал он, глядя на мои руки. — Лакеи и стражники, у которых на левом обшлаге рукава вышит серебряный шнур с тремя узлами, — мои люди. Мы называем их «Теневыми воронами». Если почувешь опас-

ность, если кто-то из слуг герцогини начнет задавать лишние вопросы или в еде появится странный привкус — покажи эту запонку старшему лакею в портретной галерее. Он найдет меня в течение пяти минут.

Я взяла вторую запонку. Металл обжег пальцы холодом.

Никаких детских рукопожатий. Никаких клятв на крови. Мы стояли друг напротив друга при свете единственной свечи — два десятилетних ребенка, запертых в теле взрослых стратегов, заключивших пакт о выживании в самом сердце ядовитого столичного гнезда.

— А теперь уходи, — Дамиан задул свечу.

Мрак снова сомкнулся над нами, став еще гуще и непроходимее.

— До рассвета осталось три часа. В четыре утра начнется смена караулов. Выход за папоротником справа — там потайная дверь, ведущая прямо на лестницу Восточного крыла. Иди и готовься к утру. Тебе понадобится все твое хладнокровие, леди Ариадна.

Я не стала прощаться. Спрятав свиток и запонки во внутренний карман дорожного плаща, я развернулась и бесшумно скользнула в заросли гигантских папоротников.

Путь обратно наверх показался мне короче, но в сто раз опаснее.

Каждый вдох давался с трудом. Мышцы ног гудели от напряжения, но я поднималась по винтовой лестнице шаг за шагом, прислушиваясь к каждому звуку в вентиляционных

шахтах. Дамиан де Гранвиль... В моей голове безостановочно крутились его слова, его взгляд, холодная сталь его клинка у моей шеи.

Он был гениален. И он был смертельно опасен.

«Он дал мне оружие, — думала я, нащупывая сквозь шерсть плаща твердые грани серебряных запонок. — Но он дал его не ради меня. Он защищает свой трон. Сегодня наши враги совпали, но если завтра баланс сил изменится — этот мальчик без колебаний перережет мне горло той же рукой, которой протянул этот свиток».

Я не собиралась открывать ему спину. Никогда. Доверие в этом городе стоило жизни. Я приму его помощь, я использую его людей и его печать, чтобы защитить отца. Но я буду следить за каждым шагом Дамиана с тем же неусыпным вниманием, с каким следят за готовой к броску гадюкой.

Я толкнула потайную створку за гобеленом и бесшумно ступила на ковер своей спальни.

В комнате было тихо. Ливень за окном наконец начал стихать, сменившись мелкой, монотонной моросью. Издалека все так же доносился мерный, богатырский храп отца.

Я сбросила плащ, быстро подошла к тяжелому кедровому гардеробу в углу комнаты и опустилась на колени.

У самого плинтуса одна из дубовых плашек пола чуть пружинила под пальцами. Я подцепила ее лезвием своего перочинного ножика. Дерево поддалось с глухим щелчком, открыв узкую, сухую пыльную нишу между балками перекры-

тия. Я аккуратно уложила туда свиток с печатью Верховного Судии и обе серебряные запонки с грифоном, прикрыв тайник доской и задвинув край тяжелого ковра.

Сердце наконец начало сбавлять бешеный темп.

Я подошла к умывальнику, смыла с лица холодный пот, натянула льняную сорочку и скользнула под тяжелое бархатное одеяло постели. Тело ломило от усталости, веки слипались, но разум оставался кристально чистым, просчитывая сценарий завтрашней битвы на Совете дам.

Я закрыла глаза, погружаясь в зыбкую дремоту.

И в этот самый миг тишину коридора разорвал оглушительный, чудовищный грохот.

БРАМ!

Звук кованого железа, ударившего о гранит. Гулкое эхо десятков тяжелых армейских сапог, бегущих по каменным плитам галереи. Звон алебард, лязг лат и резкий, яростный крик начальника ночной стражи, разнесшийся под сводами Восточного крыла:

— Тревога! Перекрыть все выходы из цитадели! Пост у винтовой башни был самовольно оставлен! Замки Зимнего сада взломаны изнутри! Лазутчик в донжоне!

Я мгновенно распахнула глаза, вжавшись в матрас. Дыхание перехватило.

Топот сапог приближался с пугающей скоростью. Десятки тяжелых шагов неслись прямо по нашему коридору.

В соседней комнате послышался глухой рев отца: Аль-

фред проснулся за долю секунды, его сапоги уже грохнули о пол, послышался лязг выдернутого из ножен запасного кортика.

— Элиза, стой за мной! — прогремел голос отца сквозь стену.

А в следующее мгновение тяжелый приклад арбалета с чудовищной силой обрушился прямо в дверь наших гостевых покоев.

БУМ! БУМ! БУМ!

— Именем Ночной Стражи Великого Герцогства! — взревел хриплый голос за дверью. — Откройте немедленно! Обыск покоев по приказу Герцогини Виктории де Гранвиль!

Я лежала в темноте, и ледяной ужас сковал мои внутренности.

Дамиан... Неужели мальчишка все-таки предал меня?! Или герцогиня переиграла нас обоих?!

ГЛАВА 4. УЛЫБКИ ИЗ БЕЛОГО ЯДА

Грохот арбалетного приклада в дубовую дверь наших гостевых покоев отозвался в моих ребрах глухой, ледяной болью.

БУМ! БУМ! БУМ!

— Именем Ночной Стражи Великого Герцогства! — ревел из темного коридора хриплый, наглый голос, срывающийся на командный визг. — Откройте немедленно! Обыск покоев по личному приказу Ее Светлости Герцогини Виктории де Гранвиль!

Я замерла под тяжелым бархатным одеялом, вжавшись затылком в пуховую подушку. Воздух в спальне в четыре утра был промозглым, серым, пропитанным сыростью не утихающего за окнами осеннего ливня. Дыхание перехватило, сердце колотилось где-то у самого горла, обжигая пищевод горькой медью подступающей паники.

Свиток с печатью Верховного Судии и серебряные запонки Дамиана лежали в тайнике под плинтусом всего в пяти шагах от моей кровати. Если караул переступит порог, если они начнут поднимать ковры, переворачивать сундуки и простукивать половицы коваными наконечниками алебард... Нас возьмут с поличным. Десятилетняя дочь барона, прячущая государственные реликвии, украденные из арсенала правителя. Это был конец. Позорная плаха для отца и безы-

мянный каземат для нас с матерью.

Скрипнула смежная дверь.

В полумрак моей комнаты неслышной, но сокрушительной поступью шагнул отец.

Я ожидала увидеть на его лице тревогу. Ожидала увидеть растерянность провинциального дворянина, впервые попавшего в хитросплетения столичного заговора. Но человек, который замер на пороге моей спальни, не имел ничего общего с тем добродушным, мягкосердечным великаном, который кружил меня на руках по деревенским улицам нашего баронства и неловко одергивал жесткий кружевной жабо на парадном ужине.

Это был Титан Черного Брода.

Барон Альфред Нотлайт был бос. На нем были лишь простые темные форменные штаны из грубого армейского сукна и расстегнутая на широкой груди белая полотняная сорочка. Серый свет зарниц за окном очертил его исполинский силуэт: мощнейшие плечи, бугры жилистых мышц и страшную россыпь старых белесых рубцов, оставленных вражескими палашами, осколками чугунных ядер и северными тесками. Один длинный кривой шрам пересекал ключицу, уходя под ребра — след той самой битвы, где он в одиночку держал переправу, пока из окружения выходили тридцать тысяч солдат императорской гвардии и полков Гранвиля. На его скулах не дрогнул ни один мускул. Его глаза, обычно лучившиеся теплотой, превратились в два холодных, мертвых

куска артиллерийской стали.

Позади него неслышной, хищной тенью ступала мать. Баронесса Элиза успела набросить на плечи длинный шелковый халат глубокого сапфирового оттенка. Ее черные шелковые волосы каскадом рассыпались по спине, но на ее лице царило то самое царственное, убийственное спокойствие, с которым великие королевы прошлого восходили на эшафот, обращая палачей в бегство одним лишь взглядом.

— Сиди в постели, Аля, — не оборачиваясь, бросил отец.

Его голос не дрожал. Он звучал низко, глухо и страшно, вибрируя в каменных сводах комнаты, словно рокот приближающегося горного обвала. В этом голосе не было и капли сомнения.

Отец шагнул в гостиную. Он не взял в руки ни кортика, ни ножа. Человеку, командовавшему тридцатью тысячами закаленных ветеранов на полях сражений, не требовалось железо, чтобы подавлять чужую волю.

БУМ! БУМ! — кованый приклад снова ударил в массивную дубовую филенку, срывая щепу и выбивая каменную крошку из косяка. — Открывайте, барон, иначе мы выбьем замки осадным бревном!..

Отец подошел к двери вплотную. Медленно, с леденящей кровь неторопливостью он взялся за тяжелый кованый засов и одним слитным, чудовищным движением рванул его на себя.

Дверь распахнулась настежь с оглушительным, пушечным

треском, с размаху ударившись о гранитную стену коридора.

В темной галерее Восточного крыла замер взвод ночной стражи. Пятеро дюжих арбалетчиков в полированных кирасах и стальных полусферических шлемах целились прямо в проем, их пальцы лежали на спусковых скобах. За их спинами чадили смоляные факелы, бросая багровые, пляшущие отсветы на базальтовые плиты пола. Во главе отряда стоял капитан ночного караула цитадели — сухопарый офицер с холеными усиками и спесивым столичным лицом, чья правая рука с занесенным кулаком так и застыла в воздухе.

Офицер открыл рот, чтобы рывкнуть приказ о задержании, но слова застряли у него в глотке, обратившись в невнятный хрип.

Альфред Нотлайт сделал полшага вперед, полностью перекрыв дверной проем своей огромной фигурой. Он навис над капитаном, словно гранитная крепостная стена, готовая обрушиться и смести все живое на своем пути.

И тогда отец заговорил.

— СМІРНО! — гроыхнуло под сводами коридора с такой нечеловеческой, сокрушительной мощью, что хрустальные подвески настенных канделябров жалобно зазвенели, а пламя факелов в руках гвардейцев синхронно качнулось и припало к углям.

Это был не крик рассерженного дворянина. Это был командный рык боевого генерала, привыкшего перекрывать грохот артиллерийских батарей, свист картечи и вой штур-

мующих полков. Звук, вбитый в подкорку каждого солдата империи на уровне первобытного, безусловного рефлекса.

У двоих арбалетчиков позади капитана мелко дрогнули колени. Трое остальных синхронно, не осознавая своих действий, опустили оружие замками к бедру и вытянулись в струну, задрав подбородки к потолку.

Капитан побледнел. Спесь столичного служаки слетела с него, как сухая шелуха под ударом кованого сапога. Он судорожно сглотнул, непроизвольно отступая на полшага назад под тяжелым, немигающим взглядом барона:

— Г-господин барон... По протоколу внутренней безопасности... Ее Светлость герцогиня Виктория лично отдала устное распоряжение... В цитадели объявлена боевая тревога, пост у винтовой башни Зимнего сада взломан... Мы обязаны досмотреть гостевые покои на предмет укрывательства лазутчика...

— По какому праву, капитан? — голос Альфреда упал до свистящего, ледяного шепота, но этот шепот был страшнее любого громopodobного рева. Отец чуть наклонился к офицеру, и его серые глаза сузились в две щели, за которыми мерцала смерть. — По какому праву взвод гарнизонной стражи ломится с боевым заряженным оружием в покои генерала Империи, кавалера Большого Хрустального Креста и личного гостя Великого Герцога в четыре часа утра?

— Но... высочайший указ Ее Светлости...

— Воинский Устав Империи Хрустального Венца, книга

четвертая, глава вторая, статья двенадцатая! — отчеканил отец, роняя слова, словно чугунные ядра на каменный плац. — Досмотр покоев высшего командного состава первой ступени производится исключительно на основании письменного ордера за личной гербовой подписью коменданта крепости либо Главнокомандующего — Великого Герцога Валериана де Гранвиля! Где ваш ордер, капитан?

Офицер затрясся. Капли липкого пота проступили сквозь белила и сажу на его лбу: — Ордер... ордер канцелярия оформит к утреннему разводу, сэр... Ее Светлость изволила приказать лично на словах...

— На словах? — отец сделал еще один шаг вперед, выходя босыми ногами на ледяные плиты коридора.

Капитан в панике попятился, наступив на ногу позади стоящему арбалетчику.

— Ночной налет вооруженного взвода на покои генерала короны без письменного приказа главнокомандующего по законам военного времени классифицируется однозначно, — отец расправил плечи во всю ширь, и шрамы на его ключице натянулись белыми жгутами. — Вооруженный мятеж. Попытка государственного переворота. И карается немедленным разжалованием виновных в рядовые штрафных рот и повешением командира взвода на ближайшем крепостном зубце без суда и следствия.

Коридор замер. Солдаты позади капитана побелели до цвета свежесвыпавшего снега. Они слишком хорошо знали

армейские законы. И они прекрасно понимали, кто стоит перед ними: живая легенда армии, человек, спасший цвет имперского офицерства при Черном Броде, чье слово на трибунале весило больше, чем жизни сотни таких тыловых капитанов.

— Я даю вам ровно три секунды, — произнес Альфред, и в его голосе прозвучал окончательный, не подлежащий обжалованию приговор. — Три секунды на то, чтобы убрать арбалеты от моей двери, развернуть взвод и строевым шагом убраться в караульное помещение нижнего донжона. На счет «три» я лично сниму с вас офицерский шарф, капитан, сломаю вам обе ключицы и выброшу с этой галереи в крепостной ров с нечистотами. А через два часа Великий Герцог Валериан будет лично выяснять, почему взвод мятежников посмел целиться из арбалетов в покои его будущей невестки.

Отец медленно поднял массивную руку с загнутыми пальцами: — Раз...

Капитан в ужасе втянул голову в плечи. Он посмотрел в каменные глаза Альфреда и понял: генерал не угрожает. Он констатирует факт. И если прозвучит цифра «три», спасения не будет.

— Два...

— Отставить оружие! На караул! — сорвавшимся на фальцет, визгливым голосом заорал капитан, судорожно скидывая дрожащую ладонь к козырьку шлема. — Прошу прощения, господин генерал! Досадная ошибка дежурного

караула при патрулировании секторов! Взвод, кругом! Шагом... марш!

Гвардейцы развернулись с такой панической поспешностью, словно за их спинами разверзлась бездна преисподней. Кованные сапоги загрохотали по плитам, факелы заметались в воздухе, и через несколько секунд эхо шагов затихло в глубине переходов.

Отец стоял на пороге еще добрую минуту, вглядываясь в пустую темноту коридора. Его широкая грудь мерно вздымалась, тяжелое дыхание вырывалось из ноздрей белыми клубами пара.

Затем он медленно шагнул назад в комнату, взялся за кованую ручку двери и с глухим, монолитным стуком захлопнул створку, задвинув массивный засов на оба оборота.

Он повернулся к нам.

И в этот миг грозный бог войны растаял без следа.

Стальной холод в его глазах мгновенно сменился безграничной, почти виноватой теплотой. Он взглянул на маму, тяжело выдохнул, опустив могучие плечи, и смущенно запустил пятерню в свои взлохмаченные русые волосы:

— Ну вот... Напугали девчонку среди ночи, шавки столличные...

Мама подошла к нему вплотную. Ее тонкие, холеные руки скользнули по его широкой груди, обвив шею. Она прижалась щекой к его ключице, прямо к старому рубцу, вдыхая знакомый запах полыни, трубочного табака и родного тепла.

— Вот он, — тихо, с неизмеримой женской гордостью прошептала мама, и в ее ярко-голубых глазах блеснули редкие слезы. — Вот он, мой генерал. Ты раздавил их спесь в пыль одним только словом, Альфред.

Отец мягко улыбнулся, обняв ее за талию своей огромной ладонью, а затем повернулся ко мне. Он подошел к моей постели, опустился на одно колено прямо на холодный каменный пол и бережно накрыл мою маленькую ладонь своими шершавыми, загрубевшими пальцами.

— Сильно испугалась, Аля? — тихо спросил он, заглядывая мне в лицо с такой тревогой, словно я была сделана из тончайшего хрусталя.

Я покачала головой. Горло перехватило, но это был не страх. Это был восторг. Осознание того, какая несокрушимая сила течет в моих жилах.

— Нет, папа. Ни капли.

Отец сжал мою ладонь чуть крепче: — Я двадцать лет держал рубежи империи от армий мятежников не для того, чтобы в собственном доме позволить придворным шавкам пугать мою девочку в темноте. Они думают, что если у меня нет мраморных склепов с прахом предков в столице, то у меня нет зубов. Пусть попробуют подойти ближе. Пока я дышу, Аля, пока мои руки способны держать рукоять клинка — никто в этом прогнившем городе не посмеет тронуть тебя пальцем. Запомни это раз и навсегда. Твой отец — твоя крепость.

Я смотрела в его добрые, усталые глаза и чувствовала, как с моих плеч спадает давящая тяжесть одиночества. Я не была одна против этого серпентария. За мной стояла целая армия.

— Спасибо, папа, — прошептала я, коснувшись лбом его щеки, колючей от утренней щетины.

— А теперь — подъем, — мама мягко, но решительно положила руку на плечо отца, возвращая разговор в русло холодной стратегии. — До рассвета осталось меньше двух часов. Ночной бой ты выиграл, Альфред. Но в десять утра Совет благородных дам попытается взять реванш за позор Виктории. Мы должны быть готовы.

Сна больше не было.

Как только родители вышли в гостиную, чтобы отдать распоряжения горничной о горячей воде, я бесшумно выскользнула из-под одеяла.

Подойдя к кедровому гардеробу, я опустилась на колени и подцепила ногтем потайную плашку пола. Тайник был нетронут: сухой порох пыли и прохладное дерево. Я извлекла свиток с черненной серебряной печатью Верховного Судии и обе запонки Дамиана. Запонки легли во внутренний потайной кармашек платья, а свиток я бережно обернула шелковым платком.

Отец показал мне пример несокрушимой воинской выдержки. Настала моя очередь разбить врагов на их собственном поле — силой закона и коронных грамот.

Рассвет над Столицей Хрустального Венца занимался тя-

жело, неохотно пробиваясь сквозь серую пелену холодного тумана.

К восьми часам утра мама закончила мой туалет.

Никаких легкомысленных оборок, никаких пастельных столичных лент. На мне было строгое, безупречно скроенное платье из темно-грифельного шелка с глухим воротником-стойкой, отделанным старинным игольным кружевом де Шанталь. Иссиня-черные волосы были заплетены в две тугие, тяжелые косы, уложенные на затылке на манер короны и скрепленные серебряными шпильками. Я выглядела не напуганной провинциалкой, а юной наследницей древнего рыцарского дома, пришедшей требовать положенное по праву крови.

Дорога от Цитадели Гранвилей до Хрустального Дворца заняла полтора часа. Наша карета мерно покачивалась на рессорах, колеса гремели по мокрой базальтовой брусчатке широких столичных проспектов. Сквозь мутные окна экипажа я видела просыпающийся город: торговцы разгружали телеги с осенними яблоками и капустой, лакеи в золоченых ливреях выгуливали борзых собак знати, конные патрули в стальных кирасах мерно шагали по перекресткам. Столица жила своей лицемерной, сытой жизнью, не подозревая, что под ее хрустальным тронном уже тлеет фитиль грядущего пожара.

Мама всю дорогу держала меня за руку, ее пальцы были прохладными и твердыми: — Слушай меня внимательно-

но, Аля. Графиня Олимпия Морват — паучиха в шелках. Она возглавляет Совет дам двадцать лет. Ее слово — закон для столичных аристократок. Она будет улыбаться тебе самой сладкой, материнской улыбкой, заносся кинжал для удара. Не спорь с ней, не повышай голоса. Позволь ей произнести отказ при свидетелях. И только тогда бей.

В десять утра мы ступили под своды парадной залы Малого Совета благородных дам.

Это было подавляющее своей роскошью круглое помещение в восточном крыле императорского дворца. Стены были облицованы полированным розовым мрамором, с высокого купола спускалась исполинская хрустальная люстра, дробившая свет сотен свечей в позолоченных зеркала.

За длинным полукруглым столом из белого ясеня восседали двенадцать знатнейших дам империи. Шелк пастельных тонов, горностаевые пелерины, вздымающиеся плюмажи из страусиных перьев на высоких прическах и килограммы бриллиантов, слепивших глаза. В воздухе стоял удушливый, приторный аромат лавандовой пудры, розовой воды и тяжелой серой амбры, за которым прятался холодный расчет придворного серпентария.

Во главе стола восседала председательница — вдовствующая графиня Олимпия Морват.

Сестре герцогини Виктории было за пятьдесят. Тяжелая, оплывшая женщина в платье из лилового бархата, чье лицо было покрыто толстым слоем рисовых белил, она походи-

ла на гигантскую шелковую жабу, усыпанную изумрудами. В пухлой руке она держала золотой лорнет на длинной цепочке, которым мерно постукивала по раскрытой книге реестра воспитанниц Императорского пансиона.

Когда церемониймейстер огласил наши имена, двенадцать пар холодных глаз синхронно вперились в меня и маму. По рядам дам пронесся шелест вееров и тихий, приглушенный смешок.

Мама опустилась в безукоризненный реверанс первой ступени. Я повторила ее движение с математической точностью, застыв в пяти шагах от судейского стола.

— Баронесса Нотлайт и юная леди Ариадна-Элизабет, — скрипучим, медовым голосом произнесла графиня Морват, демонстративно разглядывая нас сквозь стекло лорнета. — Совет благородных дам собрался, дабы рассмотреть нижайшее прошение вашей семьи о зачислении вашей дочери в число воспитанниц благородного пансиона Ее Императорского Величества.

Она сделала паузу, испустив вздох глубокого, театрального сочувствия: — Увы, милые мои... Закон суров, но он есть закон чистоты коронной крови. Согласно параграфу седьмому Уложения о пансионах, к обучению допускаются лишь юные леди, чье дворянство насчитывает не менее трех поколений беспорочной родовой службы. Ваш достопочтенный супруг, барон Альфред, безусловно, храбрый солдат... Но его титул был пожалован лишь вчера за пограничные раны.

Кровь вашего рода еще слишком... свежа и неотесанна для священных залов императорского воспитания.

Дамы за столом закивали, прикрывая губы расписными веерами. На лицах племянниц Морватов заиграли торжествующие улыбки. Ловушка Виктории сработала: меня собирались выставить вон с клеймом безродной выскочки.

— Совет единогласно постановляет, — графиня подняла тяжелое гусиное перо с золотым кончиком, готовясь поставить черную кляксу в графе отказа, — отклонить прошение за неимением подтвержденных коронных корней.

— Прошу прощения, Ваше Сиятельство, — раздался мой голос.

Он прозвучал тонко, чисто и кристально звонко, разрезав душную тишину залы, словно удар клинка по хрусталу.

Графиня Морват осеклась, ее перо замерло в дюйме от пергамента. Двенадцать дам за столом застыли в немом изумлении: десятилетняя девочка посмела прервать вердикт председательницы Высшего Совета!

Я сделала три спокойных шага вперед. Мой взгляд — ледяной, пронзительно-голубой — впился прямо в заплывшие пудрой глазки графини.

— Ваше Сиятельство изволили проявить похвальную бдительность в вопросах коронной крови, — заговорила я с безупречным столичным прононсом, растягивая гласные с той небрежной грацией, которой славились салоны де Шанталь. — Однако вы допустили прискорбную неточность, ко-

торая в иных обстоятельствах могла бы быть истолкована как... прямая государственная измена и попрание воли правящего монарха.

По зале пронесся сдавленный вздох. Несколько дам судорожно прижали кружева к груди.

— Что ты плетешь, дерзкая девчонка?! — побагровела графиня Морват, и ее двойной подбородок затрясся от ярости. — Стража! Выведите ее вон!..

— Извольте взглянуть на этот документ, миледи, — перебила я ее, не повышая тона, но вложив в каждое слово тяжесть падающего топора.

Я извлекла из шелкового платка пергамент и положила его на полированное дерево стола прямо перед носом графини. Тяжелая черненная серебряная печать Верховного Судии Империи с глухим стуком ударилась о яшень.

— Выписка из Тайного Реестра Коронных Грамот за личной подписью Его Императорского Величества, скрепленная Большой Печатью Первых Хранителей, — отчеканила я, глядя сверху вниз на застывшую женщину. — Три года назад роду Нотлайт-Шанталь был восстановлен древний статус «Потомственных Защитников Престола первой степени». Согласно тридцать четвертой статье Имперского Кодекса, дочери родов этого ранга зачисляются в Императорский пансион по личному праву крови — без прошений, без экзаменов и без права вето со стороны любых сословных советов.

Олимпия Морват опустила глаза на свиток.

Я видела, как краска стремительно отливает от ее одутловатого лица, уступая место мертвенной, серой бледности. Ее пальцы в кольцах задрожали. Она узнала печать. Она узнала личную подпись государя и вензель Великого Герцога Валериана де Гранвиля.

Попытка оспорить этот документ прямо сейчас, перед свидетелями, означала бы не просто скандал — это означало открытый бунт против эдикта императора и рода Гранвилей.

— Более того, — добавила я с ангельской, кроткой улыбкой, от которой у графини мелко задергалось левое веко, — отказ принять потомственную защитницу короны влечет за собой немедленное лишение Совета благородных дам императорской субсидии. Неужели Ваше Сиятельство желает лично объяснить Его Величеству, почему вы сочли его высочайший указ... «недостаточно подтвержденным»?

Тишина в зале стала погребальной.

Мама стояла позади меня, сложив руки на животе, и на ее губах играла легкая, торжествующая улыбка победительницы.

Графиня Морват судорожно сглотнула. Ее рука, сжимавшая перо, тряслась так, что чернила брызнули на кружевной манжет ее рукава. Она медленно перевела дыхание, опустила перо в золотую чернильницу и хриплым, сдавленным голосом произнесла:

— Документ... признан подлинным.

Она обвела дрожащей рукой графу в реестре и вывела на первой строке: *«Ариадна-Элизабет Нотлайт. Зачислена во главу списка воспитанниц личным коронным эдиктом»*.

— Добро пожаловать в Императорский пансион, юная леди Нотлайт, — процедила графиня сквозь зубы с такой ненавистью, словно выплевывала битое стекло.

Я опустила в безупречный малый реверанс: — Благодарю за вашу справедливость, миледи.

Первый политический рубеж был взят. Но я знала: за этими мраморными дверями меня ждала настоящая пасть зверя.

Ровно в полдень тяжелые кованые ворота отрезали меня от мамы и кареты, захлопнувшись с глухим металлическим лязгом.

Я переступила порог Императорского пансиона благородных воспитанниц.

Это было отдельное, замкнутое государство внутри столицы — грандиозный трехэтажный особняк из серого гранита, окруженный высоким глухим забором с коваными пиками. Здесь воспитывались тридцать дочерей высшей аристократии: будущие герцогини, графини и супруги министров.

Внутри царила атмосфера стерильной, удушающей роскоши. Длинные коридоры были застелены темно-бордовыми коврами, глушившими шаги; в классах пахло пчелиным воском, дорогим пергаментом, сушеной лавандой и едкими железными чернилами.

Нас встретила матрона пансиона — мадам Обер.

Худая, высокая женщина пятидесяти лет в строгом черном шелковом платье с наглухо застегнутым воротничком-стойкой. Лицо ее напоминало высохшую маску из папье-маше: узкие губы, крючковатый нос и маленькие черные глазки-бусинки, лишенные малейшего тепла. Поклонившись мне ровно настолько, насколько требовал мой подтвержденный коронный статус, она сухо произнесла:

— В этих стенах нет баронов и генералов, воспитанница Нотлайт. Здесь есть лишь послушание, приличия и труд. Следуйте за мной в старший класс геральдики.

Она распахнула двери Большого скриптория.

Классная комната была залита холодным дневным светом, падавшим из высоких стрельчатых окон. За рядами массивных парт из темного полированного ясеня сидели два десятка девочек в возрасте от десяти до двенадцати лет. Все они были одеты в одинаковую форму пансиона: платья из светло-василькового шелка с белоснежными накрахмаленными фартуками и кружевными пелеринками.

Когда я вошла, мерный скрип гусиных перьев по пергаменту мгновенно стих.

Двадцать пар холодных, надменных глаз уставились на меня. В воздухе повисло тяжелое, вязкое напряжение. Они уже все знали. Новости в столице разлетались быстрее степного пожара: дочь провинциального барона сломала волю графини Морват на Совете дам и вошла в их закрытый круг силой

императорского эдикта.

И во главе этого круга сидела она.

За первой партой у окна восседала девочка одиннадцати лет с ослепительными золотистыми локонами, ниспадавшими на плечи идеальными спиралями. Лицо ее было фарфоровым, щеки тронуты нежным природным румянцем, а огромные сапфировые глаза сияли кристальной, обманчивой невинностью.

Леди Вивьен Морват. Племянница герцогини Виктории и любимая внучка председательницы Совета.

При виде меня губы Вивьен растянулись в самую сладкую, самую медовую улыбку, на какую только был способен ребенок. Но в глубине ее сапфировых зрачков плескался тот самый белый яд — холодная, изощренная жестокость столичной породы, не знающей пощады к чужакам.

Охота началась. И жертвой в этой аудитории была назначена я.

— Воспитанница Нотлайт, ваше место в последнем ряду, у западной стены, у промёрзшей стены, как можно дальше от камина, — сухо, словно отсекая топором, распорядилась мадам Обер, даже не удостоив меня поворотом головы.

Это было первое, нарочито демонстративное унижение, призванное указать чужачке на ее истинное место в столичной сословной иерархии.

В Императорском пансионе рассадка за дубовыми партами подчинялась не академическим успехам, а древности ро-

довой спеси: первые ряды у жарко пылающего мраморного камина занимали дочери великих герцогов и ключевых министров короны, середину залы — отпрыски старинных графских фамилий. Меня же сослали на самый дальний ряд — на скамью отверженных, на ледяной сквозняк, в сырой угол к неоштукатуренной гранитной стене, откуда едва было видно грифельную доску преподавателя и куда сквозь щели в кладке доносился лишь тоскливый вой осеннего ветра.

Я не выказала ни малейшего неудовольствия. Медленно, с той плавной и бесшумной грацией, которой учила меня мама, я двинулась вдоль центрального прохода.

Мои мягкие кожаные туфли не издавали ни звука на натертом пчелиным воском паркете. Девочки в васильковых платьях при моем приближении демонстративно подбирали подолы своих накрахмаленных белых фартуков, словно опасаясь, что край моего темного провинциального шелка может осквернить их столичную чистоту. По аудитории прокатилась волна приглушенного, ядовитого фырканья, стыдливо прикрываемого надушенными батистовыми платочками. Слышался тихий, свистящий шепот: — Смотрите, идет... Солдатская дочка... — Боги, какое убожество... Ни единого банта на корсаже... — Говорят, ее отец рубил дрова в казармах, пока государь не бросил ему поместье из жалости...

Моей соседкой по парте оказалась маленькая, до крайности исхудавшая девочка с бледным, как папиросная бумага, лицом, робкими ореховыми глазами и скромными мышино-

го цвета косичками — леди Мириэль Ловелл, дочь старшего счетовода казначейства. Отец Мириэль был тихим кабинетным чиновником, запутавшимся в долговых обязательствах перед влиятельным кланом Морват, из-за чего Вивьен безнаказанно превратила его дочь в свою безответную жертву. При моем приближении Мириэль буквально вжалась в спинку скамьи, судорожно вцепившись тонкими пальчиками в край тетради, словно ожидала немедленной расправы.

Я опустила на жесткий дубовый стул, расправила складки платья и положила руки на парту, выпрямив спину с той безупречной офицерской прямотой, которую с детства воспитывал во мне отец.

Мириэль скосила на меня дрожащий, испуганный взгляд и едва слышно, одним лишь шелестом пересохших губ, пролепетала: — Не... не смотри на Вивьен. Пожалуйста. Если она решит, что ты ей дерзишь, она уничтожит тебя. Мой отец говорит, что у ее семьи власть над половиной столицы... Она уже довела двух воспитанниц до исключения...

— Меня нельзя уничтожить взглядом, Мириэль, — так же тихо, не шевеля губами, ответила я, глядя строго перед собой. — Но спасибо за предупреждение. Держи спину ровно и не прячь глаза. Они быют лишь тех, кто заранее сдался. Урок геральдики и коронной генеалогии вел магистр Ван Дер Хольт — тучный старик в академической мантии с полинявшей горностаевой опушкой, чье одутловатое лицо выражало крайнюю степень подобострастия перед великими фа-

миллиями.

— Итак, благородные воспитанницы, — заскрипел магистр, мерно постукивая тяжелой костяной указкой по кафедре, — мы продолжаем разбор родословных древних родов Северного Предела. Откройте кодексы на странице триста двенадцатой. Герб дома Морват: лазурный ворон на серебряном поле, держащий в клюве ключ от северных врат...

Вивьен Морват на первой парте лениво потянулась, бросив через плечо быстрый, едва заметный кивок своей верной приспешнице — пухлощекой леди Кларисе, сидевшей ровно передо мной.

Сигнал к первой атаке был подан.

Клариса тут же зашевелилась. Сделав вид, что ее гусиное перо затупилось и требует немедленной правки, она поднялась со своего места, якобы направляясь к точильному станку у стены. Поравнявшись с моим столом, она споткнулась о совершенно ровный паркет с театральным, притворным вскриком: — Ах! Простите! Я оступилась!..

Ее пухлая рука с фальшивой неловкостью взмахнула в воздухе, намеренно и точно сшибая массивную керамическую чернильницу, стоявшую на углу моей парты.

Чернильница кувыркнулась в воздухе. В ней плескались едкие, несмываемые железные чернила глубокого иссиня-черного цвета, замешанные на дубовых галлах и купоросе. Если бы эта едкая жижа попала на мое платье и старинное игольное кружево де Шанталь, наряд был бы сожжен кисло-

той и уничтожен навсегда, а я предстала бы перед наставниками неопрятной замарашкой, облитой чернилами в первый же час занятий.

В этот краткий миг время для меня словно остановилось.

Я не закричала. Не отшатнулась. Моя левая ладонь, лежавшая на полированном дереве, судорожно сжалась, ногти впились в ясень.

Вода.

Любые чернила — это прежде всего вода. В глубине моего естества вспыхнула холодная, древняя искра тайного дара. Я не произнесла заклинания, не повела бровью — я лишь послала короткий, яростный мысленный приказ падающей жидкости.

Случилось нечто, чего человеческий глаз в суматохе не мог разглядеть в деталях: черная жижа, выплеснувшаяся из горлышка сосуда, на долю секунды неестественно натянулась в воздухе упругой пленкой, словно дрожащий мыльный пузырь, подчиняясь поверхностному натяжению моей воли, и резко изменила траекторию падения.

Вместо того чтобы брызнуть мне на грудь, чернильный сгусток рикошетом пролетел мимо моего плеча и с глухим, сочным шлепком рухнул прямо на безупречно белый, накрахмаленный шелковый фартук самой Кларисы, щедро залив ее подол и новые атласные туфельки!

— А-а-а-ай! — истошно взвизгнула Клариса, уставившись на свои испорченные шелка. — Мое платье! Мой драгоцен-

ный атлас! Мадам Обер, она меня облила!

По классу пронесся потрясенный вздох.

Вивьен Морват резко обернулась, ее сапфировые глаза округлились от искреннего шока.

Я же медленно, с убийственным хладнокровием достала из кармана льняной платок, промокнула две крошечные капли чернил, упавшие на край деревянной парты, и подняла ледяной взгляд на визжащую дворянку.

— Какая досадная неловкость, леди Клариса, — мой голос прозвучал кристально спокойно, отчетливо перекрыв ее рыдания. — Вам определенно стоит попросить наставницу танцев обучить вас правильной поступи. В провинциях даже крестьянские гуси ступают по осенней грязи с большей грацией, нежели вы — по сухому паркету.

Несколько девочек на средних рядах прыснули в кулаки, но тут же испуганно притихли под леденящим взглядом Вивьен.

— Тишина в аудитории! — взревел магистр Ван Дер Хольт, побагровев от возмущения. Он подскочил к нашему ряду, сверкая стеклами очков. — Воспитанница Нотлайт! Первый час в священных стенах пансиона — и вы уже устраиваете недостойные скандалы и портите наряды благородных учениц?!

— Я не шелохнулась, господин магистр, — ровно ответила я, глядя ему прямо в переносицу. — Ваши глаза были обращены к доске, но весь класс видел, что леди Клариса сама

опрокинула прибор, направляясь к точилу. Мои руки лежали на столе. Спросите мою соседку.

Магистр метнул свирепый взгляд на Мириэль. Девочка задрожала, втянув голову в плечи, но тихо пискнула: — Леди Ариадна... не двигалась, господин магистр...

Ван Дер Хольт задохнулся от ярости. Наказать меня открыто он не смел — слишком свежа была память об утреннем императорском патенте, о котором графиня Морват успела шепнуть руководству пансиона. Но выслужиться перед северным кланом было его святой обязанностью.

— В таком случае, юная леди Нотлайт, — ядовито процедил старик, возвращаясь к кафедре и хватаясь за указку, — раз уж ваши руки столь невинны, проверим, столь же блестящ ваш разум! К доске! Немедленно!

Вивьен на первом ряду победно усмехнулась, расправив золотые локоны. Это была их главная ловушка: вытащить солдатскую дочь к доске перед всем классом и опозорить ее незнанием сложнейших родословных тонкостей высшего света.

Я поднялась. Мой темный шелк зашуршал в гробовой тишине. Спина прямая, плечи расправлены, подбородок высоко поднят. В моих ушах звенел утренний голос отца: *«Твой отец — твоя крепость»*.

Я вышла к кафедре, повернувшись лицом к двадцати парам злорадных глаз.

— Извольте перечислить, воспитанница Нотлайт, — ма-

гистр ткнул указкой в сложнейшую генеалогическую таблицу Северного Союза, висевшую на стене, — ветви дома Морват, начиная с Четвертой осады Озерного Края, а также называть причины, по которым этот род утратил право носить золотые шпоры на императорских смотрах в царствование Карла Третьего!

Вопрос был рассчитан на полный провал. Магистр полагал, что провинциалка запутается в именах северных баронов. Но он не знал, что в доме барона Альфреда военные хроники империи изучались вместо колыбельных песен.

Я едва заметно улыбнулась одними уголками губ.

— Дом Морват берет начало от барона Гюнтера Пустоверного, — начала я чеканить слова с той же железной, размеренной четкостью, с какой мой отец отдавал приказы полкам перед штурмом. — В период Четвертой осады род разделился на три ветви: Озерную, Белокаменную и Чернодольскую. Старшая ветвь пресеклась на графе Роланде, передав родовые права боковой линии... Что же касается утраты права на золотые шпоры...

Я сделала паузу, повернув голову и посмотрев прямо в расширившиеся сапфировые зрачки Вивьен Морват: — В царствование Карла Третьего граф Вальдемар Морват, приходившийся родным прадедом ныне здравствующей графине Олимпии, трусливо увел свой резервный кавалерийский корпус с поля битвы при Волчьих Ямах, бросив фланг императорской армии на растерзание степным кочевникам. За

сие малодушие и измену присяге государь лишил мужскую линию рода права носить боевые шпоры сроком на сто лет, повелев на всех полковых штандартах Морватов изображать ворона с перебитым левым крылом. Лишь милостью покойной императрицы к женской половине дома это клеймо было предано забвению в светских гостиных... хотя в архивах Военного ведомства запись хранится по сей день за подписью Верховного Маршала.

Тишина в аудитории стала такой плотной, что казалось, воздух можно резать ножом.

Магистр Ван Дер Хольт застыл с открытым ртом, его кожаная указка бессильно опустилась к полу. Лицо Вивьен Морват пошло страшными, багровыми пятнами. Ее фарфоровая маска ангельской невинности треснула, обнажив искаженную ненавистью гримасу: десятилетняя провинциалка при всем классе вытащила на свет самый позорный, тщательно замалчиваемый грех ее предков!

— Садитесь на место, воспитанница Нотлайт, — хриплым, жалким голосом выдавил учитель, промокая вспотевшую лысину платком. — Ответ... признается полным.

Я развернулась и с царственной неторопливостью вернулась за свою парту.

Мириэль рядом со мной смотрела на меня с благоговейным трепетом, словно я только что голыми руками сокрушила гранитную скалу.

Но это была лишь первая стычка. Настоящий «белый яд»

ждал меня впереди.

На полуденном перерыве класс вывели на крытую галерею внутреннего двора пансиона.

Здесь царил сырой осенний сквозняк, пахло мокрым гравием, прелыми листьями и увядшим плющом. Ученицы мгновенно разбились на тесные кружки, перешептываясь и бросая в мою сторону колющие взгляды. Травля перешла на новый уровень — уровень абсолютной, ледяной изоляции.

Когда я подошла к широкой каменной скамье у неработающего фонтана, сидевшие там графини синхронно поднялись и отошли в сторону, брезгливо прикрывая носы надутыми кружевами.

— Боги, какой моветон... — сладко протянула Вивьен, проходя мимо меня в окружении пяти своих верных приспешниц. — В воздухе так отчетливо пахнет гарью солдатских костров и плебейской капустой. Неужели мадам Обер не приказала вымыть эту скамью с мылом и уксусом?

— Говорят, ее отец даже вилку держать не умеет, — поддакнула другая девочка с длинным лошадиным лицом. — Слышали? Он набросился на ночной патруль в Цитадели, как дикий медведь из чащи! Настоящий разбойник с большой дороги!

Они ждали, что я сорвусь. Ждали, что я брошусь на них с кулаками, расплачусь или побегу жаловаться классным дамам, выставив себя слабой и беспомощной жертвой.

Но я лишь спокойно опустила на холодный камень ска-

мый, расправила складки своего темно-серого шелка, достала из полотняной салфетки кисло-сладкое румяное яблоко и принялась не спеша откусывать от него маленькие кусочки. Мой взгляд скользил по их лицам с тем же холодным, безучастным интересом, с каким натуралист разглядывает ядовитых гусениц под увеличительным стеклом.

«Шипите, змеи, — думала я, чувствуя, как внутри пульсирует несокрушимая отцовская сталь. — Ваши слова — пустой ветер. Мой отец спас империю, пока ваши деды прятались в обозах. Вы не сломаете меня этим детским лепетом».

Наблюдая за стайкой дворянок, я подмечала каждую мелочь.

Я видела, как Вивьен властным жестом подозвала к себе несчастную Мириэль в дальний угол галереи. Я видела, как дрожали худенькие плечи девочки, когда Вивьен со сладкой, хищной улыбкой сорвала с ее шеи тонкую золотую цепочку: — Какой прелестный медальон, Мириэль... Память о матушке, да? Я возьму его на пару дней, покажу своей тетушке-герцогине. Ты ведь не против, милая? Если твой отец станет возмущаться, мы напомним ему о сроках погашения векселей.

Мириэль лишь беззвучно кивнула, глотая слезы бессилия. Она была запугана до полусмерти. И я запомнила этот медальон: тяжелая золотая капля с крупным темно-вишневым гранатом в центре.

Проходя мимо застывшей в слезах Мириэль, я на долю се-

кунды замедлила шаг и тихо, едва шевеля губами, прошептала: — Не плачь, Мириэль. Слезы — это то, чем питаются эти гиены. Мы вернем твой медальон.

Девочка вздрогнула и вскинула на меня полные слез, ошеломленные глаза, но я уже шла дальше, ровной поступью направляясь в Чайный салон.

В три часа пополудни нас перевели в Малый чайный салон на обязательный урок придворного этикета и сервировки.

Пока девочки рассаживались вокруг круглых столиков, уставленных фарфоровыми чайниками, я подошла к мраморному рукомойнику в углу галереи, чтобы ополоснуть руки от меловой пыли.

Пожилой лакей в потертой серой форменной ливрее пансиона подал мне чистое льняное полотенце.

Я протянула руку, чтобы принять сухую ткань, и мой взгляд мгновенно зацепился за крошечную, едва приметную деталь: на левом узком обшлаге его суконного рукава был искусно вышит тонкий серебряный шнур с тремя тугими морскими узлами.

Знак Дамиана де Гранвиля. «Теневой ворон».

Мое сердце пропустило глухой, тяжелый удар, но лицо осталось неподвижной, безупречно гладкой маской из белого фарфора. Я даже не моргнула. Годы жизни в суровом гарнизоне отца и недавний ночной кошмар научили меня главному правилу выживания: ни единый мускул не должен выдавать затаившуюся мысль.

Старик не поднял глаз. Его пальцы, державшие полотенце, были сухими и узловатыми, как корни векового горного ясеня. Наклонившись вперед под предлогом того, чтобы расправить тяжелую складку плотного полотна, он едва слышно, одним лишь шелестом сухих, потрескавшихся губ произнес в самое мое ухо:

— Милорд Дамиан передает предупреждение, леди Ариадна. Враги не стали ждать конца недели. Герцогиня Виктория отдала тайный приказ клану Морват: растоптать вас до рассвета пятницы любой ценой. Леди Вивьен получила прямое указание нанести удар завтра утром.

Холодный ветерок из приоткрытого витражного окна скользнул по моей шее, но кровь в жилах застыла вовсе не от уличного сквозняка.

— Как именно? — так же беззвучно, не шевеля губами и глядя исключительно на серебряный рукомоЙник, выдохнула я.

— Через чужие руки и подставу с кражей, — прошелестел лакей, аккуратно подавая мне край ткани. — Завтра ровно в девять часов утра в пансион прибудет внезапная инспекция. Не просто матрона мадам Обер — с ней явятся сама председательница Совета графиня Олимпия Морват и старший пристав Коронного департамента образования с двумя констеблями. Вивьен заставит Мириэль устроить показательную истерику перед строем воспитанниц и заявить, что с ее шеи сорвали фамильный гранатовый медальон покойной матери.

Последует немедленный досмотр парт.

— Где они спрячут краденое? — мой шепот был сухим и ледяным, как скрип снега под кованым сапогом.

— В скриптории, — ответил слуга, и в его бесстрастном голосе на долю секунды прорезалась предостерегающая нота. — Запасной ключ от ученических столов хранится в застекленном киоте учительской, но полчаса назад горничная леди Вивьен забрала его под предлогом смены чернильниц. Ищите то, что вам не принадлежит, юная леди. Но будьте осторожны: не оставляйте на замках следов и не прикасайтесь к вещам голыми пальцами. Враг жаждет вашей крови.

— Я поняла. Передай Дамиану: я держу строй.

— Извольте полотенце, юная леди, — громче, привычным дребезжащим голосом престарелого лакея произнес старик, выпрямляясь и отвешивая глубокий, размеренный поклон.

Он бесшумно забрал влажную ткань, развернулся и медленной, шаркающей походкой растворился в полумраке длинной галереи.

Связь с Дамианом работала. Мальчишка с глазами хищной птицы сдержал свое слово: его глаза и уши в цитадели и дворцовых коридорах не дремали. Но это знание не принесло облегчения — оно лишь очертило контуры надвигающейся пропасти.

Я глубоко вздохнула, расправила плечи и неторопливо шагнула под своды Малого чайного салона.

В зале стоял удушливый, липкий аромат сушеного жас-

мина, бергамотового масла и миндальной эссенции. За круглыми столиками из мореного дуба двенадцать благородных воспитанниц столицы вели тихую, полную яда светскую беседу, тренируясь в искусстве придворной сервировки под бдительным оком мадам Обер.

Когда я подошла к своему столику у арочного проема, взгляды всех присутствующих мгновенно скрестились на мне.

Вивьен Морват сидела напротив, элегантно удерживая тремя унизанными кольцами пальчиками чашку тончайшего императорского фарфора. Ее фарфоровое личико сияло неподдельной, почти ангельской кротостью, но в глубине сапфировых глаз плясали торжествующие, плотоядные искры. Она смотрела на меня так, как голодный удав смотрит на пойманную в силки птицу.

— Вы так долго умывались, леди Нотлайт, — протянула Вивьен мелодичным, певучим голоском, от которого у сидящей поодаль Мириэль нервно дернулось плечо. — Мы уже начали опасаться, что суровые гарнизонные привычки вашей семьи не позволяют вам справиться с обыкновенным столичным мылом. Или на границе руки моют исключительно снегом из солдатских сапог?

Сидевшие по обе стороны от нее Камилла и Беатрис услужливо захихикали, прикрыв рты батистовыми платочками.

Мадам Обер, стоявшая у камина с блокнотом в руках, сде-

лала вид, что увлечена проверкой записей. Нарушать покой племянницы герцогини в ее планы явно не входило.

Я не повела бровью. Отодвинув тяжелый стул без единого скрипа по паркету, я плавно опустилась на свое место. Мои движения были медленными, выверенными и спокойными. Я взяла серебряные щипцы для сахара, подцепила один кристаллический кубик и опустила его на дно чашки, не издав ни малейшего всплеска. Затем подняла серебряный кофейник и тонкой, абсолютно ровной струйкой наполнила чашку ровно на три четверти — в полном соответствии со строжайшим сорок шестым правилом Большого коронного придворного церемониала.

Тишина в салоне стала осязаемой. Смешки Камиллы и Беатрис застряли у них в горле.

— Правила гигиены на северной границе блюдятся куда строже, чем в некоторых столичных гостиных, леди Вивьен, — произнесла я негромким, прозрачным голосом, глядя прямо в зрачки соперницы. — На рубежах империи грязь и нечистоплотность караются трибуналом. Ведь там, где гниет порядок, первыми заводятся падальщики. Не правда ли, мадам Обер?

Матрона поперхнулась воздухом, судорожно кивнула и поспешно перевела тему: — Довольно пустых разговоров, юные леди! Приступим к нарезке слоеного пирога по правилу малой десертной лопатки.

Вивьен сжала пальцы на ручке чашки так, что ее холеные

ногти побелели. Ее губы искривились в едва уловимой, бессильной судороге, но спустя секунду на ее лицо вновь наползла сладкая маска белого яда. Она склонилась над столом и тихо, чтобы слышали только сидевшие рядом девочки, прошептала: — Наслаждайся своим фарфором, провинциалка. Завтра в это же время твои руки будут скованы цепями коронного суда.

Я не удостоила ее даже взглядом. Я неспешно отпила горячий чай, чувствуя, как внутри разгорается холодное, обжигающее пламя.

Они думали, что загнали меня в ловушку. Они были уверены, что десятилетняя дочь провинциального барона растеряется, заплачет или побежит искать защиты у отца — прямодушного боевого генерала, слишком честного для этих ядовитых столичных подлостей.

Но они не понимали главного. Избалованные столичным шёлком, они считали меня лёгкой добычей, не зная, что северный холод вымораживает страх куда надёжнее, чем любые их ядовитые интриги.

Оставшиеся два часа уроков тянулись бесконечно долго. Я механически повторяла сложные глагольные спряжения высокого имперского наречия, рисовала генеалогические древа вымерших южных эрлов и резала кекс десертным ножом, но каждая клетка моего разума была сосредоточена на холодном расчете.

К пяти часам вечера протяжный звон башенного колокола

возвестил об окончании занятий.

Тяжелые дубовые двери распахнулись. Воспитанницы с радостным, переливчатым щебетом высыпали в коридор, шурша тяжелыми накидками и спеша к парадному крыльцу, где их ожидали крытые родовые кареты с зажженными фонарями.

Вивьен Морват покинула зал одной из первых в окружении своей свиты. Проходя мимо моей парты, она бросила на меня долгий, полный ядовитого предвкушения взгляд и самодовольно поправила меховую горжетку. Рядом с ней, опустив голову и едва волоча ноги, семенила несчастная Мириэль — ее шея под белым кружевным воротничком была неестественно голой и пустой.

Я намеренно не спешила. С подчеркнутой аккуратностью я протирала чернильные перья сухой замшей, складывала тетради по коронному праву в кожаную папку и закрывала деревянный пенал.

— Воспитанница Нотлайт, вы задерживаетесь, — строго заметила мадам Обер, уже надевавшая теплую шерстяную шаль у выхода.

— Прошу прощения, почтенная мадам, — кротко отозвалась я, склонив голову в вежливом полупоклоне. — Я не успела переписать формуляр вассальной присяги третьего тома. Позвольте мне задержаться на десять минут при свече, чтобы завтра не получить штрафной балл за небрежность.

Матрона смерила меня подозрительным взглядом, но

мысль о том, чтобы поскорее уйти в свои теплые покои к чашке грога, перевесила служебное рвение. — Не более десяти минут, Нотлайт. Дежурный сторож закроет ворота крыла ровно в половине шестого. Не вздумайте бродить по галереям.

Тяжелая дверь скрипнула и захлопнулась. Шаги матроны затихли в глубине коридора.

В высоком скриптории воцарилась абсолютная, звенящая тишина.

За стрельчатыми окнами окончательно сгустились холодные осенние сумерки. Беспросветный столичный дождь яростно хлестал по свинцовым переплетам цветных витражей, отбрасывая на полированный темный паркет причудливые, изломанные тени. Огромная зала с высокими сводчатыми потолками казалась каменным склепом, где веками копился запах сырого гранита, застывшего воска, горьких чернил и старого пергамента.

Я подождала ровно две минуты, прислушиваясь к дыханию пустого здания. Лишь завывание ветра в каменных дымоходах нарушало покой.

Поднявшись со стула, я подошла к своей парте.

Я опустилась на колени перед деревянной тумбой. Сердце билось ровно, с мерной, леденящей точностью боевого барабана.

Я достала из кармана плотный шелковый платок, обернула им пальцы и внимательно осмотрела замочную скважину

выдвижного ящика.

Даже в неверном полумраке догорающей свечи на темной полировке были отчетливо видны свежие, глубокие царапины вокруг латунной накладки. Замок открывали в спешке, неумелой рукой. А на самом срезе деревянной планки остался едва уловимый, но безошибочный след: тонкая жирная полоска помадного воска с ароматом горького миндаля. Камилла. Только она в пансионе пользовалась этой приторной столичной мазью для рук.

Я осторожно, через ткань шелка, взялась за латунную ручку и потянула ящик на себя.

Он поддался с легким сухим треском.

Внутри аккуратной стопкой лежали мои чистые листы и учебник истории. Но в самом темном дальнем углу, задвинутый за стопку промокательной бумаги, тускло мерцал чужеродный предмет.

Я откинула край бумаги.

На темном дне лежал тяжелый золотой медальон в форме массивной капли. В его центре багровым, запекшимся сгустком крови горел крупный чистейший пироп-гранат, окруженный пояском мелких речных жемчужин.

Фамильная реликвия рода казначея. Та самая, которую Вивьен днем сорвала с шеи беззащитной девочки.

Тонкая золотая цепочка не была разорвана руками в пылу ссоры — ее звенья были аккуратно, методично перекушены маленькими дамскими кусачками для рукоделия, след от ко-

торых отчетливо виднелся на надрезанном металле.

А прямо под медальоном белел сложенный вчетверо листок плотной, лощеной бумаги с водяными знаками лилий дома Морват.

Используя кончик тонкого костяного ножа для вскрытия писем, я осторожно развернула листок.

На нем летящим, высокомерным почерком Вивьен — тем самым, которым она только что подписывала классные прописи, — чернели ядовитые, размашистые строки:

«Вниманию матроны и судебных приставов. Вор, осквернивший честь пансиона, сидит за четвертой партой у окна. Проверьте ее ящик — и вы найдете слезы Мириэль».

Холодный ком подступил к горлу, но паники не было. На ее месте воцарилась абсолютная, кристальная ясность.

Это была не просто детская пакость. Это был продуманный, юридически безупречный капкан.

Завтра в девять утра Вивьен подбросила бы эту записку под дверь мадам Обер перед самым началом инспекции. Матрона в присутствии графини Олимпии и старшего судебного пристава объявила бы чрезвычайный досмотр. Медальон извлекли бы из моего личного ящика при дюжине знатных свидетелей.

Уголовное обвинение в краже со взломом внутри закрытого императорского заведения. Никакой коронный патент «Потомственных Защитников», подписанный Судией, не имел силы против воровства, доказанного с поличным.

Меня бы не просто исключили с несмываемым позором — меня бы арестовали на глазах у всего двора. Помолвка с Дамианом была бы расторгнута в тот же день по причине утраты чести невесты. Имя барона Альфреда втоптали бы в такую грязь, от которой род Нотлайт не отмылся бы вовек. Отца объявили бы главой семьи воров и мятежников, а его армию растащили бы по кускам столичные шакалы.

Они играли по-крупному. Они хотели уничтожить нас одним ударом, не запачкав собственных белых перчаток.

Я медленно поднялась с колен, сжимая в обернутых шелком пальцах тяжелый золотой медальон и записку.

За окнами завывал штормовой ветер, яростно хлеща струями дождя по лику каменных химер на карнизе. В полумраке опустевшего скриптория мои глаза вспыхнули ледяным, полярным огнем.

Они думали, что загнали в капкан испуганного провинциального ребенка. Они были уверены, что завтра будут упиваться моими слезами, мольбами о пощаде и публичным падением моего отца.

Они фатально просчитались.

Я медленно перевела взгляд через темную залу — туда, где на возвышении у камина стояла массивная, резная конторка из красного дерева, принадлежавшая персонально леди Вивьен Морват как старосте класса. На ее полированной крышке гордо поблескивал фамильный герб Морватов — серебряная змея, обвивающая кинжал.

На моих губах расцвела едва заметная, жуткая улыбка.

— Ты сама принесла яд в этот дом, Вивьен, — тихо, отчетливо прошептала я в звенящую пустоту скриптории. — И завтра утром ты выпьешь его до последней капли.

Я сделала первый неслышный шаг по направлению к резной конторке.

ГЛАВА 5. ТАНЕЦ ФАРФОРОВЫХ КУКОЛ

Предрассветная мгла над Столицей Хрустального Венца была тяжелой, студеной и серой, словно сырой могильный гранит.

В пять часов утра дождь наконец стих, оставив после себя лишь низко стелющийся туман, который жадно лизал мокрые базальтовые карнизы Цитадели Гранвилей. В наших гостевых покоях пахло лавандовым мылом, остывающим яблочным воском свечей и едва уловимым, металлическим запахом ружейного масла: отец, проснувшись задолго до первых петухов, сидел у дальнего окна и методично, привычным размеренным движением протирал промасленной ветошью звенья своего парадного офицерского пояса.

Его лицо было абсолютно спокойным. Ни тени вчерашней тревоги, ни следа ночной ярости. Ночной триумф, когда он одним лишь знанием воинского регламента обратил в бегство ночной патруль, не вскружил ему голову. Для барона Альфреда это был лишь очередной успешно отраженный ночной налет на аванпост. Но я знала: враги не оставят нас в покое. Они просто сменили оружие. Вместо тяжелых армейских палашей в ход пошли тонкие, отравленные фамильной ненавистью шпильки столичных гостиных.

Я стояла перед высоким овальным зеркалом в резной се-

ребряной раме.

Мама затягивала на моей спине тонкие шелковые тесьмы нижнего корсажа. В ее ярко-голубых, сапфировых глазах — точно таких же, как у меня, — читалась привычная материнская сдержанность. На мне было уставное платье пансиона из темно-василькового сукна с глухим воротником-стойкой, отделанным белоснежным кружевом де Шанталь — единственной роскошью, напоминавшей о древней крови моей матери.

— Дыши глубже, Аля, — негромко произнесла мама, завязывая аккуратный узел на поясице. — Морваты не прощают поражений. Вчера мы сломали их планы на Совете дам, и сегодня в пансионе на тебя будут смотреть двадцать пар недружелюбных глаз. Они станут искать любую оплошность: неровную строчку, неловкий реверанс, малейшую заминку в ответе. Помни: спину прямо, подбородок выше и никакого смущения. Наша честь ничем не уступает их спеси.

— Я помню, мама, — спокойно отозвалась я, глядя в зеркало на свое отражение. — Северный лед не тает от чужих насмешек.

Из глубины серебристого стекла на меня смотрела десятилетняя девочка с фарфорово-бледной кожей, абсолютно черными, туго заплетенными волосами и ледяными голубыми глазами. Ни единый мускул на моем лице не дрожал. Мама не знала — и не должна была знать, — что вчерашний вечер в пустом скриптории пансиона я провела вовсе не за

повторением генеалогических таблиц.

Я вспомнила шум ливня за витражами и ту минуту, когда я, обернув пальцы шелковым платком, подошла к конторке леди Вивьен Морват. Тонкой шпилькой и костяным ножом для бумаги я без малейшего звука отжала пружинную защелку чужого замка. Туда, на стопку надушенных тетрадей Вивьен, лег массивный золотой медальон Мириэль и черновик доноса, начертанный высокомерным почерком самой юной интриганки. Свою же замочную скважину я слегка припорошила меловой пылью.

Капкан был переставлен.

Мама предостерегала меня от обычных светских шпилек, но даже она не догадывалась, что Вивьен заготовила против меня уголовное обвинение в краже со взломом. И сегодня эта петля должна была захлопнуться на шее самой нападавшей.

Отец у окна повернул голову, проведя большим пальцем по начищенной пряжке офицерского пояса:

— Не робей, дочка. Ты дочь пограничного полка. На севере волкам не кланяются.

— Я никогда не кланяюсь волкам, отец.

В восемь тридцать утра наша тяжелая дорожная карета с гербом дома Нотлайт загрохотала колесами по мокрому граниту площади перед Императорским пансионом благородных воспитанниц.

Утро выдалось пронизывающе-холодным. Над высоки-

ми стрелчатými крышами дворцового комплекса кружили стаи черных галок, их хриплые крики эхом разносились над серыми каменными колодцами дворов. Пансион казался неприступным монастырем: массивные кованые ворота, узкие окна-бойницы нижних этажей и строгие караульные в серых форменных плащах у центрального портала.

Когда я переступила порог скриптория, в зале уже царила неестественная, напряженная тишина.

Двенадцать юных воспитанниц столицы сидели за своими дубовыми партами, выстроившись в два идеальных ряда. Никто не раскрывал учебников, никто не макал перья в чернильницы. В воздухе висело густое, душное ожидание скорой расправы.

Вивьен Морват восседала за своей резной конторкой на невысоком помосте у камина. Как и все воспитанницы, она была одета в уставную форму пансиона — строгое васильковое платье с белым накрахмаленным фартуком, — однако ее воротник украшало тончайшее фамильное кружево, а в золотистых, завитых спиралями локонах надменно поблескивали сапфировые шпильки. Она выглядела как ожившая фарфоровая кукла. Но в ее взгляде, скользнувшем по мне, полыхнуло такое ядовитое торжество, что сомнений не оставалось: ловушка готова к спуску.

Камилла и Беатрис, сидевшие на первых рядах, обменялись смешками и демонстративно отодвинулись, едва я прошла мимо них к своему месту в четвертом ряду у стены.

За нашей общей партой уже сидела несчастная Мириэль Ловелл. Дочь счетовода казначейства казалась серой тенью: ее худенькие плечи мелко дрожали, пальцы судорожно комкали батистовый платок, а шея, где еще вчера висел золотой материнский медальон с гранатом, была сиротливо пуста. Запуганная вчерашними угрозами Вивьен, она боялась даже поднять на меня глаза.

Я опустилась рядом с ней на жесткое дубовое сиденье и расправила складки юбки. Под прикрытием широкой дубовой столешницы я на долю секунды легко и ободряюще коснулась ее ледяных, дрожащих пальцев:

— Дыши, Мириэль, — шепнула я одними губами, глядя строго перед собой. — Не опускай подбородок. Скоро все закончится.

Девочка вскинула на меня полные слез ореховые глаза — с робким, ошеломленным трепетом, словно не верила, что в этих холодных стенах кто-то способен разделить с ней дыхание и встать на ее защиту.

Я положила перед собой тетрадь, вынула костяной пенал и замерла в безупречной позе. Мой пульс был спокоен, как глубинная вода под толщей северного льда.

Ровно в девять часов пятнадцать минут тишину коридора разорвал тяжелый, чеканный грохот подкованных сапог.

Двойные створчатые двери скриптория распахнулись с резким металлическим стуком, ударившись о гранитные ограничители.

— Встать! — визгливым, дребезжащим от подобострастия голосом скомандовала мадам Обер, первой семеня в класс.

Двенадцать воспитанниц синхронно поднялись на ноги, склонившись в глубоком реверансе. Я опустилась в церемониальном поклоне вместе со всеми, зафиксировав поклон ровно на положенной глубине — ровно столько предписывал малый коронный церемониал для встречи имперских чиновников третьего ранга.

В скрипторий вошли трое.

Впереди, тяжело ступая атласными туфлями с квадратными серебряными пряжками, шествовала графиня Олимпия Морват. На ней было монументальное платье из лилового бархата с необъятными фижмами, под которыми скрывалась ее тучная фигура. Лицо графини, густо выбеленное ядовитыми свинцовыми белилами, напоминало застывшую маску надменной жабы. В пухлой руке, унизированной сапфировыми перстнями, она сжимала золотой лорнет на длинной витой цепочке.

Справа от нее шел высокий, сухощавый мужчина в строгом черном судейском сюртуке с высоким стоячим воротником. Его лицо, изборожденное глубокими морщинами, походило на пергамент старинного судебного фолианта, а на узкой груди тускло мерцала золотая цепь с массивным медальоном в виде весов и скипетра.

Старший Провост Коронного департамента образования,

лорд Корнелиус Брант. Человек, чьей неподкупности и фанатичной преданности букве закона боялась половина столичной аристократии.

Позади них, держа руки на эфесах коротких церемониальных полусабелей, замерли двое констеблей в алых коттах с серебряным шитьем департамента правопорядка.

— Прошу прощения за внезапное вторжение в учебный процесс, юные воспитанницы, — произнес лорд Брант сухим, скрипучим голосом, от которого в классе стало физически холоднее. — Однако чрезвычайные обстоятельства требуют немедленного вмешательства короны. В стенах Императорского пансиона совершено дерзкое, постыдное уголовное преступление. Кража со взломом личного имущества воспитанницы.

По рядам девочек прокатился сдавленный, испуганный вздох. Камилла театрально прижала ладонь к щеке, Беатрис испуганно округлила глаза.

— Успокойтесь, дитя мое, — сладким, полным ядовитого сочувствия голосом пропела графиня Олимпия, подходя к нашей четвертой парте и опуская тяжелую руку ей на плечо. — Закон защитит вас. Говорите перед господином Провостом. Никто не посмеет угрожать вам в этих стенах.

Мириэль судорожно всхлипнула. Ее взгляд метнулся к Вивьен — та едва заметно, одними уголками губ, кивнула, и в этом жесте сквозила беспощадная, ледяная угроза.

— Вчера... вчера вечером, — запинаясь и глотая слезы,

заговорила дочь казначея, — после урока этикета... кто-то сорвал с моей шеи фамильную реликвию. Золотой медальон с темно-вишневым гранатом. Память о моей покойной матушке... Я... я нашла цепочку перекушенной в гардеробной.

— Неслыханная дерзость! — взвизгнула мадам Обер, всплеснув руками в кружевных митенках. — Вор среди благородных воспитанниц империи! Пятно на репутации всего пансиона!

— И вы подозреваете кого-то конкретного, воспитанница Морват? — сухо перебил матрону лорд Брант, обращаясь напрямую к Вивьен.

Вивьен грациозно поднялась со своего места, опутив ресницы в притворном смущении.

— Мне больно и горько говорить об этом, господин Провост. Но долг старосты велит мне быть честной перед короной. Вчера, когда все воспитанницы уже покинули скрипторий, я вернулась за забытым сборником сонетов. И я видела... видела, как новенькая воспитанница, леди Ариадна Нотлайт, в одиночестве блуждала между рядами в сгущающихся сумерках. Она подозрительно долго копалась у своего ящика, отказываясь уходить, несмотря на предупреждения матроны.

Десятки пар глаз мгновенно вонзились в меня.

Графиня Олимпия Морват медленно навела на меня свой золотой лорнет. На ее белом, заплывшем лице расплылась хищная, победоносная гримаса.

— Вот как? Провинциальная дочь барона, чья семья едва сводит концы с концами на северных пустошах? Чего еще ждать от дикарей, не знающих столичного воспитания. Господин Провост, я требую немедленного досмотра ее парты! Нельзя позволить этой... провинциалке опорочить память благородного рода казначея!

Лорд Брант медленно повернул голову ко мне. Его серые, цепкие глаза ощупали меня с ног до головы, словно взвешивая на невидимых весах.

— Воспитанница Нотлайт. Вы слышали обвинение?

Я не опустила взгляда. Медленно, с плавной и несокрушимой грацией, которой меня годами учила мать, я поднялась со своего места. Ни единого резкого движения. Ни тени суеты. Мои руки спокойно лежали поверх серого кружева фартука.

— Слышала, господин Провост, — мой голос прозвучал чисто, ровно и прозрачно, как звон хрустального колокольчика в морозном воздухе. — И я заявляю, что это обвинение — ложь от первого до последнего слова. Я готова предоставить свою парту к полному досмотру констеблей.

Олимпия Морват победоносно усмехнулась, а Вивьен едва сдержала довольный вздох. Они были уверены, что жертва сама сунула голову в петлю.

— Констебль, приступайте, — коротко бросил лорд Брант.

Один из стражей в алой котте подошел к моему столу. Он

достал из поясной сумки набор универсальных ключей, вставил один из них в латунную скважину выдвижного ящика и повернул.

Замок щелкнул. Констебль с силой потянул ящик на себя.

Вивьен подалась вперед, ее глаза жадно расширились, предвкушая золотой блеск реликвии и позорный крик стражи.

Но стражник замер.

Он заглянул внутрь, затем запустил руку в глубину ящика, прощупывая углы, и медленно выпрямился. Его лицо выражало крайнее недоумение.

— Чисто, господин Провост.

Тишина, повисшая в зале, стала оглушительной.

— Что?! — не сдержавшись, вскрикнула Вивьен, и ее ангельский голосок на мгновение сорвался на базарный визг. — Этого не может быть! Обыщите тщательнее! Потайное дно! Она спрятала его под тетрадами!

Констебль нахмурился, раздраженный приказом соплячки. Он демонстративно вынул стопку своих бумаг, перевернул пустой ящик вверх дном и постучал по деревянному каркасу.

— В ящике ничего нет, ваша светлость. Только три тетради по коронному праву, два чистых листа промокательной бумаги и деревянный пенал с перьями.

Лицо Олимпии Морват пошло уродливыми багровыми пятнами, пробивавшимися сквозь толстый слой белил.

— Чушь! Нелепость! Она успела передать его слугам! Нужно обыскать ее саму, обыскать ее карету!

— Минуту, господин Провост, — вдруг негромко произнес констебль, наклоняясь ближе к замочной скважине моей парты. Он поднес к латунной накладке белое сукно своей перчатки, провел пальцем и показал ее лорду Бранту. — На дереве вокруг замка свежие, глубокие сколы от постороннего инструмента. Замок взламывали грубо, снаружи, тонкой стальной полосой. А на латуни остался налет белого косметического воска с резким запахом... горького миндаля.

Камилла на первой парте судорожно спрятала руки под фартук, ее лицо смертельно побледнело.

Лорд Брант медленно подошел к моей парте, взглянул на замок, затем перевел тяжелый, леденящий взгляд на замерших дворянок.

— Замок был вскрыт кем-то посторонним до нашего визита.

Я сделала один размеренный шаг вперед. Мой взгляд скользнул по побагровевшей Олимпии, по растерянной Вивьен и остановился прямо на золотой цепи Провоста.

— Господин Провост, — произнесла я с безупречной, ледяной почтительностью. — Согласно четырнадцатому параграфу Статута Императорских пансионеров, утвержденному указом Его Величества, если в отношении воспитанницы выдвинуто публичное обвинение в краже, а на ее личном имуществе обнаружены следы взлома, защита чести требует пол-

ного досмотра всех конторок класса без исключения.

Олимпия Морват буквально задохнулась от ярости, ее необъятная грудь ходила ходуном:

— Дерзкая нищенка! Как ты смеешь указывать верховному судье департамента?!

— Юная леди права, графиня, — отрезал лорд Брант голосом, не допускающим возражений. — Закон империи писан не для того, чтобы его нарушали в угоду знатным фамилиям. Более того, согласно тому же параграфу, первой свой стол к осмотру обязана предоставить староста класса, как лицо, несущее персональную ответственность за порядок в скриптории.

Вивьен пошатнулась, словно от физического удара. Вся краска мгновенно сошла с ее хорошенького личика, превратив его в маску смертельного ужаса.

— Нет... Господин Провост, это оскорбление! Я — дочь графа Морвата! Моя конторка неприкосновенна!

— В этих стенах неприкосновенны лишь законы императора, юная леди, — сухо отчеканил Брант. — Констебль, конторку старосты. Немедленно.

Констебль решительно поднялся на помост. Вивьен стояла ни жива ни мертва, ее пальцы судорожно вцепились в край бирюзового платья.

Страж вставил ключ в позолоченную скважину резного стола из красного дерева. Замок сухо щелкнул. Крышка конторки откинулась вверх.

Констебль запустил руку внутрь и замер.

Его рука медленно поднялась на свет.

На широкой кожаной перчатке стражника тускло блеснуло тяжелое золото. На тонкой, разорванной цепочке покачивался массивный каплевидный медальон, в центре которого багровым кровавым оком горел крупный чистейший гранат.

Мириэль, прижав ладони к пылающему лицу, тонко вскрикнула:

— Мой медальон! Это он!

Но констебль не закончил. Свободной рукой он извлек со дна конторки еще два предмета.

Тонкий батистовый платок, в который была завернута реликвия — с вышитым золотой гладью гербом дома Морват, изображавшим змею вокруг кинжала. И сложенный вчетверо листок плотной бумаги с гербовым тиснением.

Лорд Брант лично протянул руку, взял записку, развернул ее и пробежал глазами. Его брови медленно поползли вверх, а взгляд, устремленный на Вивьен, стал тяжелым, как гранитная могильная плита.

— Читайте вслух, лорд Брант! — внезапно ледяным тоном потребовала я из середины класса. — Пусть весь скрипторий услышит слова истинной воровки!

Провост кашлянул и зачитал перед застывшим классом ядовитые строки:

— *«Вниманию матроны и судебных приставов. Вор, осквернивший честь пансиона, сидит за четвертой партой у

окна. Проверьте ее ящик — и вы найдете слезы Мириэль».*

В зале повисла такая тишина, что было слышно, как за окном с карниза срываются редкие капли дождя.

— Почерк леди Вивьен Морват, — констатировал лорд Брант с убийственным спокойствием. — Тот же наклон, тот же росчерк на букве «М», что и в классном журнале. Бумага из личной канцелярии ее сиятельства.

— Это подлог! Это ложь! — завизжала Вивьен, теряя всякое подобие светского лоска. Ее лицо перекосилось от бессильной ненависти, слезы ярости брызнули из глаз, смывая рисовую пудру. — Это она подбросила! Эта северная нищенка! Бабушка, скажи им! Они не имеют права!

Графиня Олимпия Морват стояла белая как полотно. Ее золотой лорнет выпал из дрожащих пальцев и со звоном ударился о каменный пол, покотившись к ногам констебля. Вся ее спесь, все ее влияние рассыпались в прах перед безупречной, неопровержимой уликой, найденной в присутствии главного законника ведомства.

— Молчать, Вивьен! — хриплым, сорванным голосом выкрикнула графиня, понимая, что каждое слово внучки лишь глубже затягивает петлю позора вокруг шеи их рода.

Лорд Брант аккуратно свернул записку и спрятал ее во внутренний карман сюртука. Медальон он лично передал дрожащей от слез облегчения Мириэль. Девочка бережно прижала материнскую реликвию к груди, и ее взгляд, брошенный на меня из-за парты, был полон немого, преданного

обожания.

Затем старый законник повернулся к сжавшейся в комок Вивьен:

— Леди Вивьен Морват. Именем короны вы немедленно отстраняетесь от обязанностей старосты пансиона. Факт кражи и циничной попытки оговорить соученицу будет передан на рассмотрение Высокого попечительского совета. До вынесения вердикта вам запрещено покидать покои без сопровождения надзирательницы. Мадам Обер, проводите нарушительницу!

Матрона, дрожа от страха перед разгневанным судьей, подскочила к рыдающей Вивьен и под руки потащила ее к выходу. Проходя мимо моей парты, бывшая староста вскинула на меня полные слез и яда глаза, но я лишь спокойно встретила ее взгляд. На моих губах не было улыбки. Лишь абсолютная, холодная ясность победителя, знающего цену каждому ходу.

Графиня Олимпия Морват двинулась к дверям следом за внучкой. У самого порога она на мгновение обернулась и посмотрела на меня. В ее заплывших глазах горела такая страшная, смертоносная ненависть, что воздух вокруг нее, казалось, тлел серой.

— Ты пожалеешь об этом дне, северная выскочка, — едва слышно, одним лишь ядовитым шепотом выдохнула графиня. — Сегодня на приеме у Императрицы ты заплатишь за каждую слезу моей внучки.

Двери скриптория с грохотом захлопнулись за их спинами.

Я медленно опустилась на свою скамью, расправила тетрадь и аккуратно обмакнула кончик стального пера в чернила. Первый раунд остался за мной. Но настоящая битва в осином гнезде столичного двора только начиналась.

Дорога от пансиона до восточного крыла Цитадели Гранвилей заняла меньше получаса, но для меня это время пролетело как один напряженный миг.

В карете мама не проронила ни слова. Она лишь крепко сжимала мою руку в своих прохладных пальцах, и в этом молчании было больше нежности и силы, чем в любых пылких речах. Отец ждал нас у подножия парадной гранитной лестницы. Услышав краткий доклад матери о разгроме Олимпии и изгнании Вивьен из старост, барон Альфред не издал победного клича. Он лишь тяжело опустил свою широкую мозолистую ладонь мне на макушку, взъерошив выбившийся волосок, и глухо пробасил:

— Умница, Аля. Окоп выдержал первый штурм. А теперь готовься к параду. На дворцовом паркете скользко, а у столичных вельмож каблуки острые, как кинжалы.

К двум часам пополудни наш гостевой покой превратился в штаб придворного церемониала.

Детский императорский прием у Ее Величества Императрицы Ровены был событием, к которому наследников великих фамилий готовили годами. Это не был невинный празд-

ник с марципановыми петушками и пряничными домиками. В Столице Хрустального Венца все знали: детский прием — это жестокие смотрины будущих хищников. Здесь оценивалось все: от наклона головы при первом реверансе до способности выдержать ядовитую насмешку соперника, не моргнув и глазом.

Мой наряд мама выбирала лично, отвергнув предложенные гардеробщицами герцогини пестрые столичные шелка.

На мне было строгое, царственное платье из тяжелого жемчужно-серого шелка де Шанталь с глухим вырезом под самое горло, отделанным тончайшей серебряной филигранной нитью. Нижняя юбка из плотного серебристого атласа при каждом шаге издавала сухой, благородный шелест, похожий на шорох свежего наста под лыжами. Рукава доходили до самых запястий, переходя в длинные облегающие перчатки из тончайшей черной замши — цвет тайного траура по погибшим северным соратникам отца, замаскированный под высочайший столичный шик.

Мои черные как смоль волосы мама уложила в сложную, монументальную прическу: тяжелые косы переплетались с тонкими серебряными цепочками, сходясь на затылке в строгий узел, пронзенный старинной шпилькой из белого горного хрусталя.

— Смотри на меня, Ариадна, — мама опустилась передо мной на колени, поправляя серебряный кант на моем подоле. Ее пронзительные сапфировые глаза смотрели мне в са-

мую душу. — Императрица Ровена вместе с государем прошла сквозь огонь и предательства великой войны. Она презирает столичную лесть, фальшивые слезы и крикливую роскошь. Она уважает только одну добродетель — несокрушимую гордость, способную выдержать любой удар судьбы. Ты — дочь генерала, спасшего корону от мятежников. Не опускай глаз ни перед кем. Даже перед троном.

— Я не опущу, мама, — тихо ответила я, ощущая, как под ребрами медленно пульсирует знакомый, леденящий холодок моей пробуждающейся стихии.

Ровно в три часа дня наша карета въехала через Золотые Ворота на территорию Хрустального Дворца.

Это было исполинское, подавляющее своей монументальностью сооружение из белого северного гранита и горного хрусталя, возвышавшееся над столицей на скалистом утесе. Парадный подъезд был запружен десятками великолепных золоченых экипажей с родовыми гербами: вздыбленные львы графов Рошеров, золотые соколы дома Монсолей, черные грифоны дома Гранвиль и изумрудные змеи Морватов.

Сотни вымуштрованных лакеев в белоснежных париках и пунцовых ливреях с золотыми аксельбантами распахивали дверцы карет, принимая шелковые накидки и горностаевые пелерины.

Мы поднялись по широкой мраморной лестнице, устланной пурпурным ковром, и ступили под своды Великой Зеркальной Галереи.

Зрелище ослепляло.

Сводчатые потолки галереи высотой в четыре человеческих роста были расписаны сценами древних побед первых императоров над чудовищами бездны. С потолка свисали исполинские люстры из чистейшего горного хрусталя работы столичных мастеров, в гранях которых дробился свет сотен толстых восковых свечей, превращая зал в сияющий ледяной грот. Вдоль стен тянулись ряды зеркал в массивных позолоченных рамах, многократно умножавших блеск бриллиантов, золотого шитья и переливы шелка.

В воздухе стоял удушливый, пьянящий аромат цветущих апельсиновых деревьев в кадках из белого фарфора, растертой корицы, засахаренных фиалок и тяжелых мускусных духов знатных дам.

В зале собралось около ста гостей: цвет столичной аристократии вместе со своими юными наследниками в возрасте от девяти до четырнадцати лет. Мальчики в расшитых золотом бархатных камзолах с церемониальными шпагами на бедрах старательно копировали надменную поступь своих отцов-сенаторов; девочки в шелках пастельных тонов с высокими напудренными прическами обмахивались расписными веерами из павлиньих перьев, стреляя по сторонам холодными, оценивающими взглядами.

Едва мы с матерью вошли в галерею, как вокруг нас возникло невидимое, но абсолютно осязаемое пустое пространство.

Столичный свет уже знал о скандале в скриптории. Вести при дворе распространялись быстрее чумы. Дамы за веерами бросали на меня взгляды, в которых смешались брезгливое любопытство и затаенный страх: никто не ожидал, что никому не известная десятилетняя провинциалка сможет одним ударом уничтожить влияние графини Морват в пансионе.

— Поглядите-ка, — шелестел ядовитый шепот за портьерой из лилового дамаста. — Вот она... Баронская дикарка с северного рубежа. Говорят, лорд Брант лично сорвал знаки отличия с маленькой Вивьен...

— Олимпия вне себя от ярости. Морваты не прощают таких пощечин. Девочка не доживет до бала дебютанток...

Я шла вперед с высоко поднятой головой, глядя строго перед собой. Каждый мой шаг был выверен до дюйма. Шелк платья мерно шуршал, ладони в черной замше покоились поверх сложенного кружевного веера. Я не прятала лица, но и не искала сочувствия.

У подножия одной из мраморных колонн я заметила знакомую робкую фигурку в неброском бледно-лиловом платье — Мириэль. Рядом с ней стоял ее отец, счетовод казначейства, неловко переминавшийся в строгом форменном фраке среди напыщенных столичных вельмож.

На худенькой шее девочки вновь тускло поблескивал золотой гранатовый медальон. Заметив меня, Мириэль вскинула голову, и в ее робких ореховых глазах вспыхнул искренний, преданный свет. Сделав шаг ко мне под прикрытием тя-

желых складок портьеры, она едва слышно выдохнула:

— Леди Ариадна... Отец так ничего и не узнал. Если бы не ты... я бы сгорела от стыда и страха.

— Держи подбородок выше, Мириэль, — тихо, но тепло ответила я одними губами, слегка коснувшись кончиком веера края ее рукава. — Сегодня прекрасный вечер. Наслаждайся музыкой и ничего не бойся. Твой медальон на месте, а чужой яд больше не властен над тобой.

Мириэль глубоко вздохнула, робко улыбнувшись, и в ее осанке впервые появилась несмелая уверенность:

— Спасибо... Я никогда этого не забуду.

Она отступила к отцу, а гул светских разговоров вокруг нас вдруг резко утих. Гости синхронно расступились, освобождая центральный проход к возвышению у камина.

В зал вошла свита Великого Герцогства Гранвиль.

Впереди шествовал сам Великий Герцог Валериан де Гранвиль — могучий, широкоплечий полководец с суровым лицом воина и благородной проседью на висках, ровесник и боевой побратим моего отца. На его графитовом бархатном камзоле сияла звезда Ордена Хрустального Венца и массивная золотая цепь Верховного Стража Престола. Рядом с ним, в платье из ядовито-изумрудного бархата с длинным тяжелым шлейфом, плыла герцогиня Виктория. Ее тонкие, поджатые губы были сжаты в узкую полоску, а холодные водянисто-серые глаза метали молнии.

Но не они приковали взгляды всего зала.

Позади них, на шаг впереди личной стражи дома, шел двенадцатилетний Дамиан де Гранвиль.

Мое сердце пропустило глухой, тяжелый удар, хотя лицо осталось недвижимой маской.

Мальчишка выглядел пугающе великолепно. На нем был строгий черный бархатный камзол без единой лишней оборки, перехваченный широким серебряным поясом, на котором висел короткий парадный кинжал в ножнах из вороненой стали. На его высоком воротнике тускло поблескивали два вышитых серебром грифона — древний боевой знак дома Гранвиль. Его темные волосы были гладко зачесаны назад, открывая высокий лоб и резкие, хищные скулы.

Он не улыбался. Он не смотрел по сторонам. Он двигался с грацией молодого горного барса, знающего, что весь этот сияющий зал — лишь его будущее охотничье угодье.

Поравнявшись с нашей группой, Дамиан на долю секунды замедлил шаг.

Наши взгляды скрестились.

Его темно-серые, цвета грозового неба глаза впились в мои зрачки. В глубине его холодного взгляда не было снисхождения — там плясали опасные, ликующие искры. Едва заметное, почти неразличимое движение подбородка: он знал. Знал о каждой минуте утреннего триумфа в скриптории. Знал, что его предупреждение через «Теневого ворона» легло на благодатную почву.

Затем он прошел мимо, не проронив ни звука, заняв ме-

сто по правую руку от отца у подножия еще пустовавшего императорского помоста.

В этот момент боковые двери галереи распахнулись, и в зал вошла графиня Олимпия Морват, ведя за руку свою внучку Вивьен.

Вивьен была одета в пышное платье из темно-алого шелка с широкими кружевными оборками, призванными подчеркнуть ее хрупкость и невинность. Ее лицо было покрыто двойным слоем рисовой пудры, скрывавшей следы утренних слез, а глаза лихорадочно блестели. Несмотря на позорное изгнание из старост, семья Морват обладала достаточным влиянием, чтобы протолкнуть свою наследницу на прием к Императрице.

Но унижение не сломало ее — оно превратило ее в бешеную гадюку.

Вивьен сразу заметила меня. На долю секунды ее пальцы судорожно впились в кружево веера так, что тонкие костяные пластины жалобно хрустнули. Затем она наклонилась к шедшим позади нее Камилле и Беатрис и что-то быстро, лихорадочно зашептала, не сводя с меня налитых кровью глаз.

— Будь осторожна, Аля, — едва слышно, одним лишь дыханием шепнула мама, не поворачивая головы. — Зверь, загнанный в угол, бросается на горло. Олимпия переговорила с герцогиней Викторией перед входом. Они не позволяют тебе предстать перед Императрицей победительницей.

Я ничего не ответила, лишь плавно перевела дыхание.

Около четырех часов пополудни лакеи внесли в зал тяжелые серебряные столики с угощениями для юных гостей: тончайшие хрустальные вазы с засахаренными каштанами, пирамиды из лимонного беже и высокие чаши с охлажденными фруктовыми водами.

Я стояла у мраморного парапета возле невысокого декоративного фонтана в форме распутившейся кувшинки. Из центра чаши тихо струилась чистейшая родниковая вода, охлаждавшая душный воздух зала. Я положила затянутую в черную замшу ладонь на прохладный бортик бассейна, чувствуя, как сквозь камень до моих пальцев доносится едва уловимая, живая вибрация влаги. Вода звала меня. Она шептала мне на своем древнем, текучем языке, отзываясь на бие моему пульса.

Вдруг шум в зале слегка сместился.

Краем глаза я заметила, как Камилла и Беатрис начали медленно, словно увлеченные светской беседой, обходить фонтан с двух сторон, отрезая мне путь к отступлению в глубь галереи.

А со стороны парадных дверей показался молодой лакей в белом форменном сюртуке. Он нес на массивном серебряном подносе дюжину высоких тонкостенных бокалов из чистейшего столичного хрусталя. Бокалы были до краев наполнены густым, темно-рубиновым южным вином из личных императорских погребов — терпким, маслянистым напитком, предназначенным для стола старших сановников и

генералов. В высшем свете прекрасно знали: даже одна случайная капля этого тяжелого вина оставляла на светлом шелке несмываемое багровое клеймо, въедаясь в волокна ткани намертво.

Лакей двигался торопливо, держа путь прямо мимо фонтана. Его лицо было неестественно бледным, взгляд затравленно бежал, а пальцы мелко подрагивали под тяжестью серебряного подноса.

Он был подкуплен.

Ловушка была грубой, отчаянной и беспощадной.

Они больше не могли обвинить меня в воровстве. Но они могли втоптать меня в грязь прямо перед выходом государыни. Если дюжина тяжелых хрустальных бокалов и целый каскад въедливого темно-рубинового вина обрушатся на мое жемчужно-серое платье де Шанталь, я предстану перед Императрицей в облике перепачканного посмешища. Это означало мгновенное изгнание из бального зала под презрительный шепот двора, публичный позор для барона Альфреда и крах всяких надежд на монаршую благосклонность.

— Осторожнее, леди Нотлайт! — внезапно с притворным ужасом вскрикнула Камилла, резко подавшись вперед и широко взмахнув тяжелыми оборками своего пышного турнюра прямо под ноги спешащему слуге.

Носок лакейского башмака зацепился за жесткий край ее подола.

Парень потерял равновесие. С коротким, отчаянным

вскриком он качнулся вперед. Тяжелый серебряный поднос накренился и выскользнул из его побелевших пальцев.

Дюжина хрустальных бокалов взмыла в воздух.

Густая, темно-багровая масса вина, похожая на сгусток свежей крови, единым сплошным потоком устремилась прямо мне в лицо и на корсаж.

В зале кто-то испуганно ахнул. Дамы в ужасе отшатнулись, закрываясь веерами от летящих брызг. На лице Вивьен, застывшей в нескольких шагах, мелькнула хищная, безумная улыбка предвкушаемого триумфа.

Но для меня мир вокруг внезапно замер.

Время растянулось в звенящую, прозрачную паутину.

Я видела каждый вращающийся в воздухе граненый бокал. Я видела отражение сотен свечей в летящей багровой дуге.

Магия в империи была под строжайшим запретом под страхом плахи и казематов инквизиции. Открыто заморозить вино в лед перед сотнями глаз означало подписать смертный приговор себе и всей своей семье.

Но вода была моей стихией. А вино — это та же вода, напоенная соками земли и солнца.

Я не произносила заклинаний. Я не сделала ни одного заметного жеста. Моя правая рука в черной замшевой перчатке осталась спокойно лежать на спицах веера у пояса. Лишь один неслышный, тончайший мысленный импульс — глубинная пульсация воли, заставившая стихию признать свою

хозяйку.

«В сторону!»

Произошло то, чего человеческий глаз не в силах был объяснить законами природы.

Вместо того чтобы обрушиться мне на грудь, летящий поток густого рубинового вина прямо в воздухе на долю секунды изогнулся плавным, невидимым серпом. Словно встретив плотную упругую стену ветра, багровая струя плавно обогнула мой силуэт по неестественной дуге — и всей своей тяжестью с силой хлестнула вправо, прямиком в лицо и платье подавшейся вперед зачинщицы!

Я лишь сделала безупречный, размеренный шаг назад по третьей позиции придворного менуэта, плавно распахнув кружевной веер.

ДЗЫНЬ! ХРУСТ! ГРОХОТ!

Бокалы ударились о мраморные плиты у моих ног, разлетаясь фонтаном сверкающих хрустальных осколков, а пустой поднос с гулким грохотом покатился по камню.

— А-А-А-А-А! — дикий, истерический визг прорезал тишину галереи.

Камилла даже не поняла, как это произошло.

Ее роскошное бледно-розовое платье от декольте до самого подола оказалось залито тяжелыми, темно-красными разводами. Маслянистое вино стекало по ее напудренным щекам, смешиваясь со слезами и тушью, оставляя на лице безобразные грязные полосы. Несколько шальных капель ри-

кошетом долетели и до темно-алого бархата стоявшей рядом Вивьен, испачкав край ее рукава.

Я стояла у беломраморного фонтана в абсолютном спокойствии.

Мое жемчужно-серое платье де Шанталь сияло безупречной, первозданной чистотой. Ни единой капли. Ни единого пятнышка на шелке.

Для всех присутствующих картина выглядела предельно ясно: заносчивая юная столичная аристократка попыталась подставить подножку слуге, потеряла равновесие от собственной злобы и сама же приняла на себя весь удар опрокинутого подноса.

В зале повисла мертвая, парализующая тишина.

Сотни вельмож застыли в изумлении. Лакей на коленях трясся от ужаса, шепча молитвы. Камилла захлебывалась слезами, размазывая винные подтеки по щекам, а Вивьен побелела от ярости, судорожно сжимая кулаки.

— Какая... прискорбная неловкость, леди Камилла, — негромко произнесла я чистым, хрустальным голосом, который отчетливо прозвенел под сводами галереи. — Столичный паркет действительно невероятно скользок. Вам стоило бы внимательнее выбирать себе обувь... и союзников.

И в этот самый миг с противоположного конца галереи раздался оглушительный, торжественный рев золотых труб.

— ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТРИЦА РОВЕНА! — провозгласил громовой голос церемониймейстера, трижды

ударившего увитым золотом жезлом в пол.

Шушуканье мгновенно смолкло. Все присутствующие — взрослые и дети — синхронно склонились в глубочайшем церемониальном поклоне.

Камилла, с ног до головы залитая темным вином, попыталась в панике спрятаться за широкую спину своей матери, но было поздно: на середину возвышения по мраморным ступеням ступила сама правительница империи.

Императрице Ровене было около сорока пяти лет. Ослепительная, холодная норманнская красавица, на чьем лице время словно застыло, оставив лишь царственную, непогрешимую грацию мраморного изваяния. Ее густые пепельно-платиновые волосы были уложены в сложную высокую корону, скрепленную бриллиантовыми шпильками, а глубокие темно-фиалковые глаза смотрели на мир с обманчивым, безмятежным спокойствием — спокойствием зеркальной глади бездонного озера, скрывающего смертоносные течения. На государыне было безупречное платье из тяжелого полночно-синего бархата и серебряного дамаста, чья строгая роскошь подчеркивала ее идеальную осанку, а на груди тускло мерцали массивные платиновые звенья Большой Коронной Цепи Первых Хранителей.

Один ее неторопливый, ледяной взгляд заставил мгновенно замолчать даже самых дерзких интриганов двора.

Взгляд правительницы медленно скользнул по залу, безошибочно выхватывая картину произошедшего: груды бито-

го хрусталя, распластанного лакея, перепачканную вином, рыдающую дочь барона Камиллу и... меня.

Я стояла в первом ряду склонившихся дворян, застыв в идеальном малом реверансе. Моя спина была прямой, голова слегка наклонена, руки удерживали веер на уровне талии в безупречном соответствии с протоколом тысяча четыреста двенадцатого года.

Императрица задержала на мне взгляд на несколько долгих секунд. В уголках ее точеных губ промелькнула едва заметная, одобрительная тень.

— Поднимитесь, благородные господа, — произнесла Императрица Ровена спокойным, кристально чистым голосом, в котором звенела непререкаемая власть. — Мы собрались здесь, чтобы увидеть будущее нашей великой империи. Ее честь, ее благородство и ее выдержку. А не базарную суету и слезы над пролитым питьем.

Она сделала едва заметный властный жест рукой в сторону дрожащей Камиллы:

— Уведите эту особу. Пусть приведет себя в подобающий вид. Негоже позорить звание дворянки неряшеством и винным духом перед троном.

Стража немедленно подхватила рыдающую подругу Вивьен под локти и вывела через боковые двери. Олимпия Морват стояла ни жива ни мертва, сжав зубы так, что желваки ходили под толстым слоем белил.

— А теперь, — продолжила Императрица, занимая рез-

ное кресло под балдахинном, — начнем традиционный церемониальный менуэт дебютантов. Покажите нам, как вас учили держать строй.

Музыканты на хорах подняли смычки.

Зазвучали первые, медленные и торжественные аккорды клавесина и струнных. Объявлялся обязательный «Танец фарфоровых кукол» — сложный придворный танец, где пары двигались по строгим геометрическим фигурам, демонстрируя абсолютный баланс, осанку и грацию.

Юные дворяне зашевелились, спеша выбрать себе партнёрш из числа самых знатных родов.

Я осталась стоять у мраморного бортика фонтана, спокойная и одинокая. Я знала правила: столичные мальчики из страха перед кланом Морват не посмеют пригласить чужую провинциалку, оставив меня у стены без пары — еще одно тихое, мелкое светское унижение.

Но музыка успела отсчитать лишь четыре такта.

Тяжелые, размеренные шаги разорвали круг расступающихся гостей.

Сквозь толпу пажей и юных виконтов, не глядя ни на кого и отстраняя любого, кто смел оказаться на его пути, уверенно шел Дамиан де Гранвиль.

Зал ахнул.

Сам наследник Великого Герцогства! Первый жених империи, чьего взгляда безуспешно домогались дочери герцогов и принцессы крови!

Дамиан остановился ровно в двух шагах от меня.

Его осанка была безупречной. Он плавно, с леденящей аристократической грацией снял правую перчатку из черной замши, обнажив сильную, тонкую ладонь воина, и отвесил мне глубочайший, идеальный поклон первого рыцаря короны.

— Окажите мне честь, леди Ариадна Нотлайт, — произнес он негромко, но его глубокий, твердый юношеский голос отчетливо прозвучал в затихшей галерее.

Вивьен Морват за его спиной буквально задохнулась от ненависти. Ее ногти впились в ладони до крови.

Я медленно подняла голову. Встретив его темный, непроницаемый взгляд, я сделала плавный шаг вперед, вложив свои затянутые в черную замшу пальцы в его открытую ладонь.

— С величайшей честью, милорд Дамиан.

Его пальцы сомкнулись вокруг моей руки.

Они были сухими, горячими и твердыми, как кованое железо. В ту же секунду сквозь ткань перчатки в мою кровь ударил обжигающий, покалывающий импульс — резонанс двух хищных стихий, признавших друг друга равными.

Мы вышли на середину сверкающего зеркального паркета, возглавив танцевальную колонну.

Начался танец.

Это действительно было похоже на движение двух живых фарфоровых кукол — смертоносных, совершенных и хлад-

нокровных. Мы двигались в такт музыке с математической, нечеловеческой точностью. Шаг, поворот, церемониальный поклон, взмах шелкового подола. Зеркала вокруг отражали наш строгий дуэт: мое жемчужно-серое платье и его траурно-черный бархат смотрелись как единый монолит среди пестрой, кричащей толпы придворных.

На третьей фигуре танца, когда наши плечи сблизились на дистанцию полушага, а наши взгляды встретились в плавном кружении, Дамиан едва заметно наклонил голову.

Его лицо оставалось неподвижной, вежливой маской, но голос, прозвучавший у самого моего уха, был острее отточенного стилета:

— Мои «вороны» доложили мне о скриптории, Ариадна. Переставить капкан под нос девчонке Морват... Блестящая работа. Ты уничтожила их план в зародыше.

— Я лишь вернула долг, милорд Дамиан, — так же беззвучно, едва шевеля губами в такт поклону, отозвалась я. — Твое предупреждение спасло мне жизнь.

— А то, что произошло у фонтана? — его серые глаза впились в мое лицо с пугающей, пронизывающей цепкостью. — Поднос с вином... Жидкость в воздухе изменила траекторию. Обычные брызги не огибают людей по дуге. Кто ты на самом деле, Ариадна?

Мое сердце на мгновение пропустило удар, но рука в его ладони даже не дрогнула.

— Случайность, милорд. На сквозняке в этой галерее ле-

тают даже тяжелые портьеры. Не стоит искать чудес там, где сработали земная тяжесть, неловкость лакея и слишком пышный подол леди Камиллы.

На губах Дамиана промелькнула едва уловимая, хищная усмешка.

— Лги кому угодно, Ариадна. Но не мне. Мы связаны одним пактом. И твоя сила — единственное, что может спасти нас обоих.

Музыка сменила темп, переходя к торжественной каденции. Мы закружились в финальном менуэте.

Взгляды всего зала были прикованы к нам. Даже Императрица Ровена подалась вперед в своем кресле, не отрывая взгляда от нашей пары. В наших движениях не было детской неловкости — это был танец наследника величайшего герцогства и дочери боевого барона с кровью древних Шанталей — танец двух равных умов, готовых драться за свою честь до конца.

Финальный аккорд смычков взмыл под своды потолка и плавно растаял в тишине.

Мы замерли в глубоком, идеальном взаимном поклоне.

Зал взорвался аплодисментами. Первой захлопала сама Императрица.

Императрица Ровена властным жестом подозвала нас к подножию трона. Мы приблизились и синхронно опустились на одно колено перед верховной правительницей.

— Встаньте, дети мои, — произнесла Императрица Рове-

на, и в ее суровом фиалковом взоре промелькнула редкая, сдержанная благосклонность. Она посмотрела прямо на меня: — Твой отец, барон Альфред, совершил великий ратный подвиг при Черном Броде и верно держит пограничье. А ты, дитя, держишь честь своей семьи с редкой стальной грацией, достойной материнской крови де Шанталь. Корона помнит верность.

Императрица сняла с запястья тонкую сапфировую ленту с миниатюрной хрустальной лилией — традиционный памятный знак монаршей милости за открытие детского бала — и лично вложила ее в мою ладонь.

— Носи этот знак в память о сегодняшнем танце, юная леди Нотлайт. Пусть он напоминает двору, чьим достоинством дорожит корона.

Олимпия Морват, стоявшая в свите, пошатнулась, ее напудренное лицо стало мертвенно-серым. Это не было дарованием неприкосновенности, но стало сокрушительным сигналом всему высшему свету: Корона благоволит союзу Гранвилей и Нотлайтов, а интриги Морватов против баронской дочери вызывают у государыни лишь холодное презрение.

Великий Герцог Валериан де Гранвиль, с суровой воинской гордостью наблюдавший за нашим менюэтом у подножия помоста, приблизился к государыне. Склонив седеющую голову перед Ее Величеством, он негромко испросил дозволения отбыть: плановая ночная инспекция дальних редутов и пограничных гарнизонов столицы не терпела отлага-

тельств. Предупредив супругу и ободряюще сжав плечо Дамиана, великий герцог в сопровождении офицеров генерального штаба спешно покинул Хрустальный дворец, растворившись в полумраке дворцовых анфилад.

Мы с Дамианом поклонились и не спеша отступили назад, растворяясь в полумраке боковой арочной галереи, подальше от завистливых взглядов и назойливых поздравлений.

Но едва тяжелая бархатная портьера отрезала нас от сияющего бального зала, Дамиан резко изменился в лице.

Его светская невозмутимость осыпалась, уступив место мрачной, смертоносной собранности.

Он огляделся по сторонам, проверяя тени между мрачными колоннами, затем стремительно сократил расстояние между нами, прижав меня плечом к холодной каменной кладке стены.

— Детские игры кончились, Ариадна, — прошептал он, и в его голосе звенел чистый, неразбавленный ужас, который он так тщательно скрывал перед двором.

— Что случилось? — мой голос упал до едва слышного свиста.

Дамиан опустил руку в глубокий внутренний карман своего черного камзола и извлек тяжелый свиток гербовой бумаги. Свиток был перетянут свинцовой армейской лентой и скреплен черной сургучной печатью канцелярии Военного ведомства.

Он силой вложил холодный свиток в мою затянутую в зам-

шу ладонь.

— Герцогиня Виктория нанесла удар в спину, — тихо, сквозь зубы произнес Дамиан, глядя мне прямо в глаза. — Пока мы танцевали, через подкупленных чиновников военного стола был запущен проект чрезвычайного указа. Под предлогом внезапного мятежа кочевников твоему отцу готовят предписание: срочно выступить со своим ветеранским пограничным полком в Чёрные Топи.

Ледяная игла пронзила мое сердце.

Чёрные Топи. Гнилые, непроходимые топи на дальнем южном порубежье, кишасшие ядовитыми испарениями. Место гибели целых гарнизонов.

— Мой отец сразу после менуэта откланялся перед Ее Величеством и выехал с дежурным штабом в ночную инспекцию редутов — он вернется в цитадель лишь через два дня, — продолжил Дамиан, сжимая мое плечо так, что пальцы побелели. — А Император Эдрик занят государственным советом. Виктория воспользовалась их отсутствием. Полторы тысячи закаленных ветеранов барона Альфреда — главную опору твоего дома — отправляют прямиком в засаду без обозов и тяжелых орудий. Виктория вступила в тайный сговор со степным каганом: полк твоего отца должны вырезать до единого человека, обескровив ваш род навсегда.

— Когда... когда они собираются подписать указ? — пересохшими губами выдохнула я.

— Сегодня в полночь дежурный статс-секретарь должен

приложить государственную печать к пакету донесений, и гонец покинет столицу, — отчеканил Дамиан. — Государь даже не узнает правды, считая это плановой ротацией рубежей. Есть только один способ сорвать резню и спасти твоего отца.

— Какой?

Дамиан наклонился к самому моему уху, и его дыхание обожгло мою щеку:

— В секретном архиве Виктории в нашей цитадели хранится подлинник ее зашифрованной переписки со степным каганом. Если мы добудем эти письма до полуночи и предъявим доказательства измены напрямую Императрице Ровене или лорду-канцлеру, приказ будет немедленно отозван, а саму Викторию ждет плаха. Но если стража поймает нас в ее архиве... нас объявят лазутчиками.

Я стояла в темноте галереи, сжимая в ледяных пальцах черновик смертного приговора моему отцу.

На моей ладони покоился императорский сапфир. За портьерой гремела торжественная музыка бала. Но светский маскарад был окончен.

Наступала ночь настоящей войны.

Я медленно подняла голову и посмотрела в горящие решимостью глаза Дамиана:

— Мы вскрыем ее архив, — тихо, но с железной непреклонностью произнесла я. — Сегодня ночью.

ГЛАВА 6. КЛЯТВА В СОЮЗЕ

Тяжелый кусок ветоши, пропитанный горьковатым оружейным маслом, мерно скользил по холодной стали фамильного кинжала.

Ш-ш-ших. Ш-ш-ших.

Звук был сухим, монотонным, успокаивающим. Он заглушал тревожный вой ветра, который бился в узкие свинцовые переплеты стрельчатого окна и свистел в каменных отдушниках Западной башни.

В полночь оружейная комната моих личных покоев казалась ледяным каменным склепом. Свет единственной толстой восковой свечи в тяжелом чугунном канделябре едва разгонял густую, вязкую тьму. По стенам на дубовых стойках дремали ряды боевого оружия: стальные кирасы ветеранов с выгравированными грифонами, короткие кавалерийские карабины, широкие палаши и зазубренные абордажные тесаки. Все это железо принадлежало моему роду — Великому Герцогству де Гранвиль. Но сегодня в этой огромной гранитной цитадели я чувствовал себя так, словно стоял на пороховой бочке с зажженным фитилем в руках.

Я отложил ветошь, поднял клинок на уровень глаз и взгляделся в темное зеркало полированного металла.

Клинок был чист. Но в моем отражении не было детской безмятежности. Из темноты на меня смотрел двенадцатилет-

ний подросток с острыми, хищными скулами, бледной кожей и глазами цвета предштормового неба — глазами зверя, который с колыбели привык ждать удара в спину.

Всю прошлую неделю цитадель казалась мне осиным гнездом, где каждый слуга был потенциальным соглядатаем мачехи. Но то, что произошло сегодня днем в Хрустальном Дворце, сорвало последние маски.

Я закрыл глаза, и перед моим внутренним взором с пугающей отчетливостью вновь ожила сцена у мраморного фонтана.

Белый бальный зал. Золоченые зеркала, отражающие сотни напудренных лиц столичной знати. И лакей в белом форменном сюртуке, который нес на массивном серебряном подносе дюжину высоких тонкостенных бокалов из столичного хрусталя, до краев наполненных густым, темно-рубиновым южным вином из личных императорских погребов. Это вино славилось своей тяжелой маслянистостью: при падении на светлый шелк оно въедалось в волокна намертво, оставляя несмываемый багровый след позора.

Я стоял в двадцати шагах от помоста и видел каждую долю секунды этой подлой, отчаянной засады.

Видел, как подручные Вивьен Морват — Камилла и Беатрис — нарочно выставили тяжелый веер под ноги спешащему слуге. Видел, как лакей споткнулся, как серебряный поднос накренился, и целая лавина граненого хрусталя и кипящего рубинового вина с высоты человеческого роста обру-

шилась прямо на десятилетнюю Ариадну Нотлайт.

Любая другая девочка зажмурилась бы, завизжала, закрыла лицо руками или в панике бросилась бежать.

Но только не дочь генерала Альфреда.

Аля не дрогнула. Она даже не отшатнулась. Ее бледное, фарфоровое личико осталось пугающе неподвижным, а в сапфирово-синих глазах полыхнул такой жуткий, нечеловеческий холод, что у меня на затылке зашевелились волосы.

Я был единственным во всем зале, кто заметил едва уловимое, микроскопическое движение ее пальцев в тонкой черной замшевой перчатке.

И тогда законы природы дали трещину.

Струя рубинового вина, уже готовая залить ее жемчужно-серый корсаж, прямо в воздухе на долю секунды неестественно изогнулась плавным серпом. Словно встретив невидимую упругую стену, багровый поток плавно обогнул ее силуэт по невозможной дуге — и всей своей тяжестью с силой хлестнул вправо, прямиком в лицо и платье подавшейся вперед Камиллы, превратив ее роскошный розовый наряд в грязную багровую ветошь, пока под ногами со звоном разлетались вдребезги хрустальные бокалы. А Аля просто сделала плавный, царственный шаг назад по третьей позиции менуэта — и на ее платье не упало ни единой капли.

Обычный человек счел бы это чудом, сквозняком или нелепой случайностью.

Но я с семи лет читал закрытые хроники Архива Орденов.

Я знал, как выглядит пробуждение первозданной стихии.

В жилах маленькой невесты текла древняя, запретная магия воды — глубинная, сокрушительная и абсолютно неконтролируемая имперскими догматами. Если бы об этом узнал Коронный инквизиторий, Алю не спасли бы никакие боевые заслуги отца. Но вместо страха или отвращения я ощутил внутри обжигающую, пьянящую вспышку триумфа.

Она была не жертвой. Она была совершенным оружием. И она принадлежала мне по эдикту короны.

Затем был танец. «Танец фарфоровых кукол» перед троном.

Когда моя рука в черной замше сомкнулась вокруг ее прохладных пальцев, я почувствовал странную, покалывающую дрожь, прошившую тело от кончиков пальцев до самого сердца. Мы кружились по зеркальному паркету под взглядами сотен завистников, двигаясь с пугающей, смертоносной синхронностью. Ее шепот у моего уха был острее моего лучшего кинжала: *«Не стоит искать чудес там, где сработали земная тяжесть, неловкость лакея и слишком пышный подол леди Камиллы»*.

Она умела врать в лицо смерти с той же грацией, с какой наливала чай. И это делало ее бесценной.

Но триумф на балу стоил нам слишком дорого.

Герцогиня Виктория — моя мачеха и главная ядовитая змея этой крепости — поняла, что проиграла детскую войну. Ее племянница Вивьен с позором лишилась звания старосты

пансиона, а Аля получила из рук Императрицы Ровены памятный знак монаршей милости: тонкую сапфировую ленту с хрустальной лилией. Клан Морват был втоптан в грязь.

И тогда Виктория нанесла взрослый, сокрушительный удар.

Я сжал рукоять кинжала так, что костяшки пальцев побелели.

Мой отец, Великий Герцог Валериан, ровно двое суток назад покинул столицу. Он лично возглавил военную инспекцию дальних пограничных редутов на западной границе и должен был вернуться в Цитадель лишь завтра к исходу дня. Отец был могучим воином и побратимом барона Альфреда, но его прямолинейная солдатская честь делала его слепым к закулисной грязи.

Виктория выждала идеальный момент.

Пока герцог находился в седле в сорока милях от столицы, а Император Эдрик заседал с послами на закрытом Государственном совете, мачеха через своего брата — графа Джулиана Морвата, лорда-распорядителя сословных канцелярий — протолкнула через Военное министерство тайное чрезвычайное предписание.

Я лично видел черновик депеши, перехваченный моими слугами два часа назад.

Приказ гласил: регулярный пограничный полк барона Альфреда Нотлайта — те самые полторы тысячи закаленных ветеранов Черного Брода, прошедших всю войну и безгра-

нично преданных своему командиру, — снимается с пограничного охранения и направляется в форсированный марш к урочищу Чёрные Топи.

Без тяжелой артиллерии. Без обозов с провиантом. Без права на перегруппировку.

Это была смертная казнь, замаскированная под воинский устав.

Чёрные Топи представляли собой непроходимые, гиблые топи на дальнем порубежье, кишашие ядовитыми испарениями. Но страшнее всего было другое: по моим тайным сведениям, Виктория и Джулиан заключили тайный пакт со Степным Каганом. На границе топей полк барона уже ждали десять тысяч конных кочевников. Ветеранов Альфреда планировали вырезать до последнего человека, стерев военную силу дома Нотлайт с лица земли.

Официальный приказ с подписью Военного Министра должен был вступить в законную силу завтра в полночь, когда конный курьер покинет столицу.

У нас оставалось ровно двадцать четыре часа.

Если барон Альфред получит приказ с государственной сургучной печатью, он, как старый служака, подчинится воинской присяге и поведет своих людей на бойню. А затем наступит очередь самого Альфреда, его жены и маленькой Али, которую беззащитной разорвут в столичных казематах.

— Нет, мачеха, — негромко прошептал я в пустоту оружейной, убирая кинжал в ножны на поясе. — Ты не полу-

чишь эту победу.

Тихий, едва слышный тройной стук в дубовую дверь вывел меня из задумчивости.

Тук. Тук-тук.

Я подошел к двери и неслышно отодвинул тяжелый бронзовый засов.

На пороге возник пожилой лакей в серой форменной лифрее с вышитым на обшлаге рукава серебряным морским узлом — старший связной моей тайной сети «Теневых воронов». Его лицо было сосредоточенным и бледным.

— Докладывай, Мартин, — тихо скомандовал я, пропуская старика внутрь и вновь запирая дверь.

— Приказ выполнен, милорд Дамиан, — шелестящим, старческим голосом произнес лакей, почтительно склонив голову. — Час назад дежурный караул Северного донжона получил свежий бочонок крепкого верескового эля из нижних погребов. В бочонок добавлен очищенный маковый сбор по вашему рецепту. К полутора часам ночи все шестеро гвардейцев на внешнем посту у покоев Ее Светлости уснут сном младенцев.

— А личная охрана Виктории? — резко спросил я. — Капитан Родриг и его наемники?

— Родриг празднует удачную интригу в караульной у западных ворот, — усмехнулся старик одними уголками сухих губ. — Мои люди на конюшне устроили переполох: распустили путлища у трех офицерских жеребцов и подняли крик

о лазутчиках. Все свободные наемники брошены на прочесывание внешнего плаца. Коридоры третьего яруса свободны.

— Хорошо, — кивнул я. — Что в малом секретариате?

— Герцогиня Виктория после приема у Императрицы ушла в дальний будуар, приняв двойную дозу сонной лавандовой настойки от головной боли. Она спит. Но ключ от архивного сейфа за шпалерой... Его нет ни на связке экономки, ни в письменном столе. Сейф защищен четырехдисковым столичным механизмом мастера Огюста. Без ключа его не вскрыть.

Я тронул пальцами кожаный подсумок на поясе, где лежали три тонкие стальные отмычки из гибкой гномьей стали.

— Об этом не беспокойся, Мартин. У нас есть ключ, о котором Виктория даже не догадывается. Ступай на свой пост. Если кто-то из офицеров направится к Северному донжону — зажги синий фонарь на галерее колокольни.

— Слушаюсь, милорд. Да хранит вас Хрустальный Венец. Лакей бесшумно скользнул за порог и растворился в ночном полумраке лестничного пролета.

Я остался один.

Быстро сбросив парадный бархатный камзол, я надел глухой колет из прочной темной кожи без металлических блях, которые могли бы звякнуть при ходьбе. Проверил кинжал в ножнах, спрятал во внутренний карман мягкие замшевые перчатки и моток прочного шелкового шнура.

Затем подошел к противоположной стене оружейной, где под пыльным гобеленом с изображением осады Редфорда скрывалась узкая дубовая дверца потайного хода.

Нажав на незаметный гранитный выступ в кладке, я открыл створку. В лицо пахнуло вековой пылью, плесенью и стылым сквозняком подземелий.

Спустившись по узкой винтовой лестнице, я преодолел три пролета и оказался в заброшенном арочном переходе из сырого песчаника, тянувшемся под сводами библиотеки Цитадели. Здесь не было факелов — лишь редкие лунные блики пробивались сквозь крошечные отдушины у самого потолка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.